

Национальный бестселлер Британии

Sunday Times Bestseller

Amazon Bestseller

Вся ярость

Кара
Хантер

В Великобритании продан
1 000 000 книг об инспекторе Фаули

Кара Хантер
Вся ярость
Серия «Инспектор
Адам Фаули», книга 4
Серия «Национальный
бестселлер Британии»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056415

Вся ярость : Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-112748-0

Аннотация

«Еще одна дура-студентка, – подумал водитель такси, – наела дешёвого сидра и бредет среди ночи домой». Но затем он увидел ее лицо...

Фейт Эпплфорд похитили, надели на голову пластиковый пакет, связали руки проволокой и увезли в уединенное место. Чудом ей удалось спастись. Полицейская команда инспектора Адама Фаули сразу понимает – девушка знает, кто напал на нее. Однако та настаивает: «Просто розыгрыш зашел слишком далеко». И отказывается выдвигать обвинения. Но вскоре детективы убеждаются, что она скрывает гораздо больше. Оказывается, Фейт – вовсе не Фейт...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Кара Хантер

Вся ярость

Посвящается моему брату Марку

Cara Hunter

ALL THE RAGE

Copyright © Cara Hunter, 2020

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Ночь такая теплая, что окно у нее открыто; тюлевые занавески лениво трепещут от едва ощутимого дуновения летнего зноя. В квартире горит свет, но только в гостиной: вот откуда он узнал, что она одна. И еще играет музыка. Негромко, но он совсем рядом и потому слышит ее. Сначала это его пугало – то, что он может выдать себя, если подойдет слишком близко. Но теперь он спокоен: даже в светлое время суток повсюду стоят такие фургоны, как у него. Их перестали замечать. Даже люди наблюдательные. Такие, как она.

Он еще чуточку открывает окно. Должно быть, она собирается куда-то идти, потому что музыка быстрая, энергичная, бодрая, а не тот ленивый джаз, который она обыкновенно предпочитает. Он закрывает глаза, стараясь представить себе, что она собирается надеть, что она как раз сейчас натягивает на свою кожу – еще влажную после душа, который, как он слышал, только что приняла. Не черное платье с бисером, такое облегающее, что он может мысленно представить себе все изгибы ее тела: если б она собиралась поужинать со своим никчемным дружкой, то не стала бы слушать такую мусорную музыку. И не со своими родителями: если б те приехали в Оксфорд, он увидел бы их машину. Нет, этот вечер она собирается провести с подругами. Из чего следует, что она выберет что-нибудь менее откровенное – что-

нибудь сдержанное, вежливо намекающее на недоступность. Возможно, синее, с широкими рукавами. Из ткани, которую называют газом. Раньше он этого не знал. Красивое платье. Нейтральное. И одно из ее любимых.

Ничего этого она ему не говорила. Он сам все узнал. И сделать это оказалось совсем нетрудно. Достаточно только наблюдать. Наблюдать, ждать и делать выводы. Иногда достаточно всего нескольких дней, однако такие случаи редко приносят удовлетворение. Это же дело тянется больше трех недель, но он любит, когда все развивается медленно. И что-то подсказывает ему, что она будет того стоить. Как утверждается в рекламе шампуня, которым она пользуется. И в любом случае он убедился на собственном опыте, что торопить такие вещи нельзя. Именно тогда совершаются ошибки. Именно тогда все идет наперекосяк.

Кто-то идет. Он слышит стук каблуков по асфальту. Шпильки. Хихиканье. Он чуть перемещается, чтобы лучше видеть, и пластик сиденья скрипит под ним. На противоположной стороне улицы показываются две девицы. В этой парочке нет ничего сдержанного, это уж точно. Платья с блестками, ярко накрашенные губы, ковыляют на высоченных шпильках, словно шлюхи; дурочки уже здорово навеселе. Раньше он их не видел, но это точно ее подружки, потому что они останавливаются перед ее домом и начинают рыться в сумочках. Одна достает что-то и торжествующе размахивает этим, громко заявляя: «Вот она!» Яркая розовая лен-

та, на которой написано что-то блестящими буквами, но он не может прочитать что. Впрочем, это ему и не нужно. Он прищуривается – такое дерьмо он уже видел. Это девичник. Долбанный *девичник*! С каких это пор ее интересует подобная дрянь? Девицы нагнулись друг к другу, и в их смехе и перешептываниях есть что-то такое, от чего у него по спине пробегают мурашки беспокойства. Господи, это не *ее* девичник! Этого не может быть... он обязательно знал бы... у нее даже нет кольца... он бы увидел...

Он подается вперед, стараясь рассмотреть получше. Одна из девиц жмет на кнопку звонка так долго, что наверху распахивается окно.

– Обязательно нужно *так* шуметь?

Она пытается выразить недовольство, однако в ее голосе звучит смех. Она свешивается в окно, и прядь длинных темных волос спадает на плечо. Волосы еще влажные после душа. У него пересыхает в горле.

Одна из девиц смотрит вверх и торжествующе скидывает руки. В одной она держит пластмассовую корону, а в другой – розовый пояс.

– Эй! Смотри, что у нас есть!

Девушка в окне качает головой.

– Хло, ты же обещала – абсолютно *никаких* тряпок и *никаких* диадем!

Две девицы внизу заливаются хохотом.

– Вообще-то этот *чрезвычайно* изысканный декоративный

головной убор мой, а не твой, – слегка заплетающимся языком говорит вторая девица. – А для *тебя* у нас вот *эта* штука...

Она роется в сумочке и достает что-то, и когда на это падает свет фонаря, он получает возможность хорошенько рассмотреть: ярко-розовая заколка для волос с выложенным блестками словом «ЗАНЯТА».

Девушка в окне снова качает головой.

– Ну чем я провинилась, что заслужила таких подруг, а?

Она ныряет в комнату, слышится жужжание домофона, и две девицы вваливаются в дом, продолжая хихикать.

Мужчина открывает бардачок. Этой сучке повезло, что он не займется ею прямо здесь и сейчас, – это положило бы конец их мерзкой бабской вечеринке. Но он этого не сделает. Ему нужно приятное возбуждение ожидания – он хочет этого даже сейчас. Утонченное предвкушение, где важна каждая мелочь: как от нее будет пахнуть, какая она будет на вкус, какие у нее будут волосы... А также сознание того, что он может получить все это, когда пожелает, – и единственное, что его останавливает, это собственная сдержанность...

Он сидит какое-то время, сжимая и разжимая кулаки, позволяя своему сердцу замедлить ход. Затем вставляет ключ в замок зажигания и заводит двигатель.

* * *

Будильник звонит в семь, но Фейт Эпплфорд вот уже час как встала. Прическа, одежда, туфли, косметика – все это требует времени. В настоящий момент она сидит перед зеркалом, накладывает последние штрихи туши, подводя брови. Слышит, как мать окликает из кухни:

– Надин, ты еще валяешься в кровати? Если хочешь, чтобы тебя подвезли, ты должна через десять минут спуститься вниз.

Из соседней комнаты доносится недовольный стон, и Фейт мысленно представляет себе, как сестра переворачивается на другой бок и накрывает голову подушкой. Постоянно одно и то же, по утрам Надин просто безнадежна. В отличие от Фейт. Та всегда готова заблаговременно. Всегда полностью собрана.

Фейт снова поворачивается к зеркалу и крутит головой вправо и влево, проверяя углы, подергивая прядь волос, поправляя ворот свитера. Красивая. И это не просто показная красота. Она действительно красивая. Очень красивая.

Фейт поднимается на ноги и выбирает сумочку из нескольких висящих на двери. Замшевую. Ну, на самом деле это не настоящая замша, но нужно присмотреться очень внимательно, чтобы это разглядеть. Зато цвет – как раз то что надо, особенно вместе с этим жакетом. Идеальный оттенок синего.

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

09:15

– Нормально? Не холодно?

Я почувствовал, как Алекс вздрогнула, когда прибор прикоснулся к ее коже, однако она поспешно качает головой и улыбается.

– Нет, все в порядке.

Медсестра отворачивается к монитору и стучит по клавиатуре. В палате все приглушено. Свет неяркий, звук глухой, словно под водой. Вокруг бурлит своей жизнью больница, однако здесь, прямо сейчас, время замедлилось до сердцебиения.

– Ну, вот и готово, – наконец говорит медсестра и с улыбкой разворачивает монитор к нам.

Изображение на экране оживает. Головка, носик, крошечный кулачок, поднятый словно в приветствии. Движение. *Жизнь*. Алекс сжимает мне руку, однако ее взгляд прикован к ребенку.

– Вы видите это впервые, мистер Фаули, да? – продолжает медсестра. – По-моему, во время первого осмотра вас здесь не было...

Несмотря на жизнерадостный тон, в ее голосе сквозит осуждение.

– Понимаете, Адам тут ни при чем, – спешит вмешаться Алекс. – Это я... я страшно боялась, вдруг случится что-то неладное... не хотела сглазить...

Я крепче сжимаю ей руку. Мы это уже обсудили. Почему Алекс ничего мне не сказала, почему не могла даже жить со мной до тех пор, пока не узнала точно. Пока не узнала наверняка.

– Все в порядке, – говорю. – Главное – то, что сейчас я здесь. И у ребенка все отлично.

– Ну, сердечко стучит ровно, сильно, – говорит медсестра, снова стуча по клавиатуре. – Развивается малыш нормально, сейчас он именно такой, каким и должен быть на двадцать второй неделе. Я не вижу никаких причин для беспокойства.

Ловлю себя на том, что выдыхаю, – я даже не заметил, что перестал дышать. Мы – родители в возрасте, мы прочитали все брошюры, сдали все тесты, и все-таки...

– Вы абсолютно уверены? – спрашивает Алекс. – Потому что я совсем не хочу, чтобы со мной случился амнио...

Медсестра снова улыбается, тепло, искренне.

– Все в полном порядке, миссис Фаули. Вам не о чем беспокоиться.

Алекс поворачивается ко мне со слезами на глазах.

– Все хорошо, – шепчет она. – Все будет хорошо.

На экране ребенок внезапно кувыркается – крошечный

дельфин, резвящийся в серебристой темноте.

– Итак, – говорит медсестра, снова беря прибор, – вы хотите узнать пол?

* * *

Фиона Блейк ставит перед дочерью тарелку с хлопьями, но Саша ничего не замечает. Она не отрывает взгляда от телефона с тех самых пор, как спустилась вниз, и Фиона едва сдерживается, чтобы не высказаться. В этом доме не принято приходить в обеденный зал с телефоном. Не потому, что Фиона так приказала; они договорились, мать и дочь, что так делать не надо. Фиона отворачивается, чтобы налить в чайник воды, но когда возвращается к столу, Саша по-прежнему таращится на этот чертов экран.

– Неприятности? – спрашивает Фиона, стараясь скрыть в своем голосе раздражение.

Саша отрывается от телефона и качает головой.

– Извини, просто Пэтс сказала, что сегодня не пойдет в школу. Ее выворачивало всю ночь.

Фиона строит гримасу.

– Зимняя рвота¹?

Саша кивает, затем отодвигает телефон.

– Похоже на то. Вроде ей совсем плохо.

¹ Вирусная инфекция, более известная в России как желудочный, или кишечный, грипп.

Фиона придирчиво рассматривает дочь: у Саши горят глаза, щеки слегка покраснелись. Если задуматься, она такая уже целую неделю.

– Саша, ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь так, словно у тебя температура.

Она удивленно раскрывает глаза.

– У меня? Я себя чувствую хорошо. Честное слово, мам, я в полном порядке. И умираю от голода.

Саша улыбается матери и тянется за ложкой.

* * *

В дежурной комнате полицейского участка Сент-Олдейт констебль Энтони Асанти пытается улыбнуться. Выражение лица сержанта Гислингхэма позволяет предположить, что получается это у него не очень хорошо. И дело не в том, что Асанти лишен чувства юмора, просто юмор его не из серии кремовых тортов и банановой кожуры. Вот почему ему никак не удастся найти что-либо смешное в перевернутом вверх дном стакане с водой у себя на столе. И еще он злится на себя за то, что забыл, какой сегодня день, и почему, черт возьми, не проявил должной осторожности. Ему следовало бы разглядеть нечто подобное за целую милю: самый молодой член команды, только что закончил учебу, прямиком из

Мет². С таким же успехом он мог бы написать большими буквами у себя на лбу: «Мишень для шуток». И вот теперь все стоят вокруг, смотрят на него и ждут, как он себя поведет, покажет, что он «парень что надо» или же просто «так себе» (как считает констебль Куинн, судя по презрительной усмешке, которую тот даже не пытается скрыть, хотя Асанти так и подмывает спросить, чью роль, горшка или котла, играет в этом сам Куинн³). Собравшись с духом, Асанти растягивает улыбку чуть шире. В конце концов, могло быть и хуже. Один придурок в первый день службы Асанти в Брикстоне оставил у него на столе связку бананов.

– Так, ребята, – говорит Энтони, обводя помещение взглядом, в котором, как он надеется, в должной пропорции сочетаются мрачная ирония и «все это я уже видел», – очень забавно.

Гислингхэм сияет, испытывая нескрываемое облегчение. В конце концов, шутка есть шутка, а в этом ремесле нужно принимать шутки и самому подкалывать своих товарищей, но все-таки он еще не вполне освоился со своим новым положением, обусловленным сержантскими лычками, и не хочет, чтобы его видели насмехающимся над кем бы то ни было. И в первую очередь над единственным чернокожим чле-

² Столичная полиция (*англ.* Metropolitan Police), отвечающая за территорию Большого Лондона, кроме района Сити.

³ Имеется в виду английская пословица «Горшок над котлом смеется, а оба черны»; русские эквиваленты «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала» или «В чужом глазу соринку заметно, в своем – бревна не видеть».

ном команды. Гислингхэм треплет Асанти по плечу со словами: «Молодец, Тони», после чего решает, что ему, пожалуй, лучше на этом закончить, и направляется к кофеварке.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

10:25

– Ну, и как все будет дальше?

Алекс медленно усаживается на диван и закидывает ноги вверх. Я протягиваю ей кружку, и она обхватывает ее пальцами.

– Это ты о чем? – говорит Алекс, притворяясь простодушной, но с хитрым выражением на лице.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, – о той мелочи, что я пол не знаю, а ты знаешь.

Алекс дует на чай, затем поднимает взгляд на меня – сама невинность.

– И почему с этим должны возникнуть какие-либо проблемы?

Я отодвигаю подушку и подсаживаюсь к ней.

– Как ты собираешься сохранить это в тайне? Рано или поздно ты обязательно проговоришься.

Она улыбается.

– Ну, до тех пор, пока ты не прибегнешь к своей печально знаменитой технике ведения допросов, полагаю, я уж как-нибудь смогу. – Увидев мое лицо, Алекс смеется. – Слушай, я обещаю держать в уме два списка возможных имен...

– Хорошо, но...

– И не покупать ничего голубого.

Прежде чем я успеваю раскрыть рот, она снова улыбается и легонько толкает меня ногой.

– И *розового*.

Я качаю головой, неубедительно изображая неодобрение.

– Я сдаюсь!

– Нет, неправда, – говорит Алекс, уже совершенно серьезно. – Ты никогда не сдаешься. Ни при каких обстоятельствах.

И оба мы понимаем, что она имеет в виду не только мою работу.

Я встаю.

– Постарайся сегодня отдохнуть, хорошо? Без поднятия тяжестей и прочих глупостей.

Алекс вопросительно поднимает брови.

– А я как раз собиралась поколоть дрова, придется это отложить... Черт!

– И если тебе что-нибудь понадобится в магазине, дай мне знать по «мылу».

Шутливо козырнув, Алекс снова пихает меня ногой.

– Ступай! Ты уже опоздал. А я уже проходила через все

это, не забывай. Обои в комнате Джейка я клеила, когда живот у меня был вдвое больше, чем сейчас.

Алекс улыбается мне, а я вдруг ловлю себя на том, что не могу вспомнить, когда она в последний раз так говорила. Все эти месяцы после смерти Джейка Алекс воспринимала материнство лишь как горечь утраты. Не только скорбь по сыну, но и отчаяние от невозможности иметь других детей. Все это время она могла говорить о нашем сыне лишь с болью. Но сейчас, возможно, ей наконец удастся воскресить и ту радость, которую он дарил. Этот ребенок никогда не сможет стать заменой Джейку, даже если б мы того захотели, но, быть может, он – или она – все-таки сможет стать искуплением...

И только подойдя к двери, я оборачиваюсь.

– Какая еще печально знаменитая техника ведения допросов?

Смех Алекс провожает меня всю дорогу до калитки.

* * *

Времени уже 10:45, а Эрика Сомер все еще стоит в затопе на шоссе А33. Она собиралась вернуться домой из Гемпшира еще вчера вечером, однако каким-то образом прогулка по берегу моря перешла в ужин, а ужин перешел в лишний выпитый бокал, и в половине десятого они с Джайлсом согласились, что за руль ей лучше не садиться. Поэтому но-

вый план заключался в том, чтобы встать в пять утра и опередить понедельничный утренний час пик, но почему-то и этого также не случилось, и было уже девять с минутами, когда Сомер наконец смогла выехать. Однако она не жалуется. Она улыбается, кожа ее до сих пор приятно зудит, несмотря на горячий душ и холодную машину. Хотя это означает, что ей не во что переодеться и она не успеет заскочить домой. Телефон пищит, и Эрика смотрит на экран. Сообщение от Джайлса. Читая его, Сомер снова улыбается; ее так и подмывает написать лукавый ответ насчет того, что сказал бы суперинтендант, если б Джайлс по ошибке отправил *такое ему*, однако машина впереди наконец трогается. Джайлсу – в кои-то веки – придется подождать.

* * *

Увидев девушку, водитель такси сначала решил, что она пьяна. «Еще одна дура-студентка, – подумал он, – налакталась дешевого сидра и бредет среди ночи домой». Девушка была в доброй сотне ярдов впереди, но таксист видел, как ее мотает из стороны в сторону. И только подъехав ближе, он сообразил, что на самом деле она хромает. Девушка была в туфлях, но на одной сломался каблук-шпилька. Именно это заставило таксиста сбросить скорость. Это, а также то, где все это происходило. На пустынной Марстон-Ферри-роуд, за много миль до чего бы то ни было. Но в то же время Оксфорд

где-то неподалеку. Посигналив, таксист свернул на обочину к девушке, по-прежнему полагая, что она пьяна.

Но затем он увидел ее лицо.

* * *

Когда поступает звонок, во всем участке, можно сказать, никого нет. Куинн где-то гуляет, Фаули должен появиться не раньше обеда, а Гислингхэм на учебе. Что-то связанное с управлением людьми, как объясняет Бакстер. После чего криво усмехается и замечает, что не понимает, зачем сержант тратит на это время: все, что нужно знать на этот счет, Гис может получить от своей собственной жены.

Сомер только что вернулась с салатом и кофе для всех, и тут звонит телефон. Эверетт снимает трубку и зажимает ее плечом, продолжая набирать текстовое сообщение на компьютере.

– Извините? – внезапно восклицает она и, забыв про электронную почту, сжимает трубку. – Вы можете повторить еще раз? Вы уверены? И когда это произошло? – Хватает ручку и что-то черкает на листе бумаги. – Передайте: мы будем на месте через двадцать минут.

Сомер оглядывается по сторонам, что-то ей подсказывает, что салату придется подождать. Опять. Горячие блюда она уже давно перестала покупать.

Эверетт кладет трубку.

– На Марстон-Ферри-роуд обнаружена девушка.

– Обнаружена? Что значит «обнаружена»?

– В состоянии шока, на запястьях следы от веревок, которыми она была связана.

– *Связана?* Она была *связана*?

Лицо Эверетт мрачное.

– Боюсь, все гораздо хуже.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

12:35

Когда мне звонит Эверетт, я все еще на кольцевой дороге.

– Сэр! Мы с Сомер направляемся в Лейкс. Примерно десять минут назад поступил звонок – на Марстон-Ферри-роуд обнаружили девушку в невменяемом состоянии. Судя по всему, на нее напали.

Включив поворотник, я съезжаю с шоссе на стоянку и беру телефон.

– Сексуальное нападение?

– Точно мы этого не знаем. Но, если честно, пока что мы мало что знаем точно.

Я чувствую, что дело серьезное, по одному только ее голосу. А если я что-то и знаю об Эв, так это то, что у нее ве-

ликолепное чутье. Великолепное чутье и недостаточно уверенности, чтобы полагаться на него. И на себя саму. Гислингхэму нужно будет этим заняться, когда он вернется со своих курсов по отношениям между людьми.

– Тебя что-то беспокоит, ведь так?

– Одежда на ней разорвана и перепачкана, на руках следы от веревок...

– Господи!..

– Понимаю. Судя по всему, девушка находилась в ужасном состоянии, но все дело в том, что она наотрез отказалась обратиться в полицию или к врачу. Она попросила обнаружившего ее водителя такси отвезти ее напрямик домой и ничего не заявлять в полицию. К счастью, последней просьбе тот не внял.

Я роюсь в бардачке в поисках бумаги и прошу Эв повторить мне адрес в Лейкс. И если вы недоумеваете, как не заметили все эти водные пространства⁴ во время обзорной экскурсии по Оксфорду, знайте: на самом деле на многие мили вокруг здесь нет ничего крупнее пруда. Лейкс – это жилой район в Марстоне, который начал застраиваться в 1930-е годы. Называют его так потому, что многие улицы здесь названы в честь озер: Дервент, Конистон, Грасмер, Райдал. Мне хочется думать, что давным-давно какой-то архитектор скучал по родным долинам на севере Англии, на что Алекс говорит, что я неисправимый романтик.

⁴ Lakes (англ.) – озера.

– Нам известно имя девушки?

– Мы полагаем, ее могут звать Фейт⁵. Таксист сказал, что на ней было ожерелье с этим именем. Хотя, возможно, ожерелье было из серии «Вера, Любовь, Жизнь»... Вы наверняка такие видели.

Видел. Но уж точно не на Эв. Что же касается таксиста, он, похоже, оказался не просто великодушным, но и наблюдательным. Чудесное совпадение.

– Судя по спискам избирателей, по этому адресу проживает некая Диана Эпплфорд, – продолжает Эв. – Она переехала сюда около года назад, никаких неприятностей с законом за ней не числится, нигде себя не проявила. А вот никакого мистера Эпплфорда нет – по крайней мере, проживающего вместе с ней.

– Хорошо, мне ехать минут десять.

– Мы сейчас как раз сворачиваем на Райдал-уэй, но можем подождать вас.

* * *

Дом Дианы Эпплфорд – опрятный домик, примыкающий одной стеной к соседнему, с вымощенным двориком, обнесенным невысокой стеной из белого кирпича, разделенного прожилками цемента. Когда я был маленьким, точно такой

⁵ Фейт (*англ.* Faith) – вера.

же забор был у наших соседей. В сочетании с кружевными занавесками на окнах это придает дому такой вид, будто он застрял году этак в 1976-м.

Я вижу, как Сомер и Эверетт выходят из машины и направляются ко мне. Эверетт в своем стандартном сочетании белой блузки, темной юбки и чувственного макияжа, хотя ярко-алый шарф определенно придает ей бунтарский вид. Сомер – разительный контраст – в черных джинсах, кожаной куртке и полусапожках на высоком каблуке с бахромой сзади. Обычно она на работу так не одевается, поэтому я решаю, что она провела выходные у своего ухажера и не заезжала домой. Увидев меня, Сомер слегка краснеет, что подтверждает справедливость моего предположения. С ним она познакомилась, когда мы занимались делом Майкла Эсмонта. Я имею в виду ухажера. Джайлс Сомарес. Он тоже коп. И я до сих пор не решил, хорошо это или плохо.

– Добрый день, сэр, – говорит Эверетт, поправляя ремешок сумочки на плече.

Я сую руку в карман за мятной конфеткой. Теперь я постоянно ношу их с собой горстями. Бросать курить – страшное испытание, однако это не обсуждается. Под этим я подразумеваю – не обсуждается с самим собой, у Алекс я не спрашивал.

– Хорошо ли это? – спрашивает Сомер, глядя на конфетку. – Я хочу сказать, для зубов.

Я хмурюсь, затем вспоминаю, что сам сказал им, где бу-

ду сегодня утром. У зубного. Самая предпочтительная универсальная ложь во спасение. И не то чтобы ребенок – это какая-то тайна, в свое время все всё узнают. Но просто... понимаете... не сейчас.

– Как оказалось, у меня все в порядке, – говорю я. – Врач мне ничего не лечил. – Поворачиваюсь к Эв. – Итак, скажете что-нибудь еще, прежде чем мы нагреем в дом?

Она качает головой.

– Вы знаете столько же, сколько знаем мы.

* * *

У женщины, которая открывает дверь, выцветшие светлые волосы, на ней белые спортивные штаны и белая футболка с надписью «Так себе мамаша». На вид ей сорок с небольшим. Выглядит она уставшей. Уставшей и раздраженной.

– Миссис Эпплфорд?

Женщина смотрит на меня, затем на моих спутниц.

– Да. А вы кто такие?

– Я инспектор Адам Фаули. Это констебль Эверетт и констебль Сомер.

Женщина крепче стискивает ручку двери.

– Фейт же ясно выразилась: она не хочет вмешивать полицию. Вам незачем...

– Фейт – это ваша дочь?

Женщина колеблется мгновение, словно подтверждение

даже этого очевидного факта станет предательством.

– Да. Фейт моя дочь.

– Водитель, подобравший ее, был крайне обеспокоен ее состоянием. Как и мы, разумеется.

Сомер трогает меня за плечо и указывает назад. Но мне даже не нужно оборачиваться. Я буквально слышу шелест раздвигаемых занавесок.

– Миссис Эпплфорд, мы можем войти? Всего на одну минуту. Говорить в доме гораздо удобнее.

Женщина бросает взгляд на противоположную сторону улицы, она также замечает любопытных соседей.

– Ладно. Но только на одну минуту, хорошо?

* * *

Гостиная выкрашена в бледно-лиловый цвет, диван и кресла, очевидно, подбирались в тон, однако краски настолько холодные, что это действует на нервы. И, пожалуй, для такого помещения мебель чересчур громоздкая. Меня постоянно ставит в тупик, почему люди не измеряют свои комнаты, прежде чем покупать мебель. Чувствуется сильный запах освежителя воздуха. Лаванда. Кто бы сомневался.

Хозяйка не предлагает нам сесть, поэтому мы неловко переминаемся на узкой полоске ковра между диваном и кофейным столиком со стеклянной столешницей.

– Миссис Эпплфорд, ваша дочь вчера ночью была здесь?

Женщина молча кивает.

– Она провела дома всю ночь?

– Да. Она никуда не выходила.

– Значит, вы видели ее за завтраком.

Еще один кивок.

– Когда это случилось? – спрашивает Сомер, украдкой доставая из куртки записную книжку.

Женщина обхватывает себя руками. Я стараюсь не делать заключений из языка ее жестов, однако это непросто.

– Полагаю, где-то без четверти восемь. Мы с Надин вышли ровно в восемь, но Фейт сегодня утром не торопилась. Она ушла около девяти, чтобы успеть на автобус.

Значит, на самом деле она *не знает*, чем сегодня утром занималась ее дочь. От того, что какое-то событие постоянно происходит так, еще не следует, что и сегодня было так же.

– Надин – это тоже ваша дочь? – спрашивает Сомер.

Женщина кивает.

– Я отвожу ее в школу по дороге на работу. Я секретарша у одного врача в Саммертауне.

– А Фейт?

– Она учится в колледже дальнейшего образования⁶ в Хедингтоне. Вот почему она ездит на автобусе. Это в противоположную сторону.

– Сегодня в течение дня вы общались с Фейт?

⁶ Дальнейшее образование – в Великобритании среднее профессиональное обучение учащихся от 16 лет, предоставляемое на базе высших учебных заведений.

– Я отправила ей сообщение насчет тенниса, но она не ответила. Это была просто ссылка на статью про Меган Маркл. Сами понимаете, свадьба. Платье. Фейт интересуется всем этим. Она учится на модельера. У нее настоящий талант.

– И это было необычно – я имею в виду, то, что она не ответила?

Женщина задумывается, затем пожимает плечами.

– Да, наверное.

Снова моя очередь.

– У Фейт есть парень?

Женщина чуть прищуривается.

– Нет. В настоящий момент нет.

– Но она бы вам сказала, если б он был?

Она бросает на меня неприязненный взгляд.

– У Фейт нет от меня никаких секретов, если вы к этому клоните.

– Не сомневаюсь в этом, – примирительно говорит Сомер. – Мы просто стараемся выяснить, кто это сделал. Если это был кто-либо из тех, кого ваша дочь знает...

– Парня у нее нет. Она *не хочет* заводить парня.

Пауза.

Сомер бросает взгляд на Эв: «Почему бы тебе не попробовать?»

– Вы были дома, – говорит Эв, – когда таксист привез вашу дочь?

Женщина смотрит на нее, затем кивает.

– Вообще-то меня не должно было быть. Но я забыла дома очки и вернулась за ними.

Эв и Сомер снова переглядываются. Кажется, я знаю, о чем они подумали: если б миссис Эпплфорд случайно не оказалось дома, вполне вероятно, девушка попыталась бы скрыть случившееся и от матери. Что же касается меня, я все больше и больше убеждаюсь в том, что Эв права: тут определенно что-то не так.

Я делаю шаг вперед.

– Миссис Эпплфорд, вы знаете, почему Фейт решила не говорить с нами?

Она встает на дыбы.

– Она не обязана! И этого достаточно, ведь так?

– Но если ваша дочь была изнасилована...

– Она *не была* изнасилована. – Тон категоричный. Непреклонный.

– Почему вы так уверены?

Ее лицо становится жестким.

– Она мне сказала. Фейт мне сказала. А моя дочь *не лжет!*

– Я это и не говорю. Ни в коей мере. – Теперь женщина не смотрит на меня. – Послушайте, я понимаю, что расследование дела об изнасиловании может причинить психологическую травму – я ни за что не стану винить того, кого пугает такая перспектива, – но сейчас все обстоит совсем не так, как было раньше. У нас есть сотрудники, прошедшие соот-

ветствующее обучение, например, констебль Эверетт...

– Никакого изнасилования не было!

– Я очень рад это слышать, но, возможно, мы по-прежнему имеем дело с серьезным преступлением. Оскорбление действием, нанесение телесных повреждений...

– Сколько вам повторять? Никакого преступления *не было*, и Фейт *не собирается* писать заявление в полицию. Так что, пожалуйста, просто оставьте нас в покое.

Женщина обводит нас взглядом, одного за другим. Она хочет, чтобы мы направились к выходу, сказав, что, если Фейт передумает, она может связаться с нами. Но мы не уходим. Я не ухожу.

– Ваша дочь отсутствовала в течение двух часов, – мягко говорит Эв. – С девяти до одиннадцати, когда мистер Маллинс увидел ее бредущей вдоль Марстон-Ферри-роуд, в ужасном состоянии – вся в слезах, одежда перепачкана и разорвана, у одной туфли сломан каблук... *Что-то* произошло.

Миссис Эпплфорд вспыхивает.

– Я так понимаю, это была какая-то глупая первоапрельская шутка. Зашедшая слишком далеко.

Однако никто из присутствующих в это не верит. В том числе и она сама.

– Если это действительно был розыгрыш, – наконец говорю я, – тогда мне хотелось бы, чтобы Фейт лично это подтвердила, пожалуйста. Но если это был *не* розыгрыш, тот, кто

поступил так с вашей дочерью, может сделать это снова. И другая девушка пострадает так, как только что пострадала Фейт. Я не могу поверить, что вы этого хотите. Ни вы, ни ваша дочь.

Миссис Эпплфорд смотрит мне в лицо. Это еще не мат, но я хочу сделать так, что отказаться ей будет чертовски нелегко.

– Насколько я понимаю, Фейт сейчас дома?

– Да, – наконец говорит женщина. – Она в саду.

Подышать свежим воздухом? Покурить? Просто уйти подальше от всех этих мерзких людей? Если честно, я согласен с ней по всем трем пунктам.

Миссис Эпплфорд глубоко вздыхает.

– Послушайте, я схожу и спрошу, хочет ли она говорить с вами, но принуждать ее не буду. Если Фейт откажется, значит, таково ее решение.

Это лучше, чем ничего.

– Справедливо. Мы подождем здесь.

Как только за ней закрывается дверь, я начинаю расхаживать по комнате. Картины импрессионистов. В основном Моне. Пруды, лилии и все такое. Называйте меня циником, но я подозреваю, что только у них, скорее всего, и был нужный оттенок бледно-лилового цвета.

– Мне бы хотелось побывать там, – говорит Эв, указывая на пейзаж с мостом в Живерни. – Это на первом месте в списке того, что я сделаю, если выиграю в лотерею. И найду,

с кем туда поехать. – Она строит гримасу. – А также в этом списке Тадж-Махал и Бора-Бора⁷, разумеется.

Сомер оборачивается и улыбается; она у каминной полки, изучает семейные фотографии.

– И в моем тоже. По крайней мере Бора-Бора.

Я вижу, как Эв бросает многозначительный взгляд на Сомер, отчего та снова улыбается, но, увидев, что я все вижу, поспешно отводит взгляд.

Эв поворачивается ко мне.

– Кажется, сейчас самое время заглянуть в туалет. Надеюсь, вы понимаете, куда я клоню...

Я киваю, и она быстро выскальзывает из комнаты. И практически сразу же в коридоре звучат шаги и возвращается Диана Эпплфорд.

– Она готова говорить...

– Спасибо.

– Но только с женщиной, – продолжает она. – Не с *вами*.

Я бросаю взгляд на Сомер, и та кивает.

– Все в порядке, сэр.

Я поворачиваюсь к женщине и изображаю свою самую очаровательную улыбку под названием «готов вам служить».

– Прекрасно понимаю, миссис Эпплфорд. Я подожду своих коллег в машине.

⁷ Бора-Бора – остров в южной части Тихого океана, во Французской Полинезии.

Эв останавливается наверху лестницы. Слева от нее – открытая дверь в ванную. Белый кафель, толстая пластиковая занавеска душа и сильный запах отбеливателя. Полотенца, замечает Эв (аккуратно сложенные, не так, как дома у нее самой), того же самого бледно-лилового цвета, что и гостиная на первом этаже. Это уже *что-то*.

Перед Эв еще три двери, две из них открыты. Спальни хозяйки дома, кровать застелена атласным покрывалом (приза тому, кто угадал цвет, не будет), и, решает Эв, младшей дочери. Куча одежды и обуви, валяющейся там, где ее бросили. Небрежно свисающее на пол пуховое одеяло, разбросанные мягкие игрушки, косметичка. Эв как можно бесшумнее подходит к закрытой третьей двери, мысленно благодаря толщину ковра. У себя дома она ничего подобного иметь не может – кот мигом все слопает на завтрак. Он обожает все обдирать и рвать в клочья.

Открывшаяся перед Эв комната представляет собой полную противоположность комнате второй сестры. Шкафы аккуратно закрыты, из ящиков комода ничего не сбежало. Даже модные журналы сложены в аккуратную стопку. Однако Эв смотрит не на это, на это в комнате не будет смотреть никто. Господствует в помещении доска, протянувшаяся вдоль всей противоположной стены, сверху донизу увешанная гир-

ляндами фотографий из гляцевых журналов, маленькими пластиковыми пакетиками с пестрыми бусинками и пуговицами, мотками пряжи, кусками тканей, обрезками кружев и искусственного меха, заметками, написанными толстым красным фломастером на листках самоклеящейся бумаги, и среди всего этого наброски, судя по всему, сделанные самой Фейт. Эверетт едва ли относится к тем, кто разбирается в одежде, но даже она видит в некоторых работах признак вкуса. Фейт брала какую-нибудь маленькую деталь и строила на ней весь наряд – форма каблука, изгиб плеча, линия рукава...

– В одном ее мать определенно права, – тихо произносит Эв, – у девчонки талант.

– Какого черта, – произносит голос у нее за спиной. – А вы кто такая?

* * *

– Это Фейт.

Девушка проходит мимо матери к свету. Сомер сразу же видит, что она очень привлекательная. Даже забранные в растрепанный хвостик волосы и смазанная тушь на ресницах не могут скрыть утонченные черты ее лица. При этом Фейт тощая, как палка, – огромный свитер, в который она завернулась словно в одеяло, только подчеркивает ее худобу. Похоже, этот свитер у нее уже много лет: шерсть местами про-

терлась до дыр, рукава обтрепались.

Сомер делает шаг навстречу.

– Давайте сядем. Вы ничего не хотите? Может быть, чаю? Воды?

Поколебавшись мгновение, девушка качает головой. Она медленно проходит к дивану, рукой ощупывая перед собой дорогу, словно старуха.

Эрика хмурится.

– Вам больно?

Девушка снова лишь качает головой. Она до сих пор так и не заговорила.

Мать садится рядом с ней и сжимает ей руку.

– Меня зовут Эрика, – говорит Сомер, усаживаясь в кресло напротив. – Я понимаю, как вам трудно, но мы лишь хотим помочь.

Девушка на мгновение поднимает взгляд. На комках туши на кончиках ресниц все еще висят слезы.

– Вы можете рассказать, что с вами произошло? – мягко спрашивает Эрика. – Мистер Маллинс, мужчина, который вас обнаружил, говорит, что вы были в очень плохом состоянии.

Фейт делает глубокий судорожный вдох. У нее снова начинают течь слезы, но она даже не пытается их вытереть. Мать сжимает ей руку.

– Все хорошо, дорогая. Успокойся.

Девушка бросает на нее взгляд и снова роняет голову, пря-

ча руки в рукава свитера. Однако Сомер успевает заметить ссадины на костяшках пальцев и следы на запястьях. И хотя ногти ухожены, один сломан: зазубренное острие, которое до крови раздерет кожу. Девушка дома уже несколько часов и до сих пор не обработала его. И это, больше чем что-либо другое, поскольку речь идет о такой аккуратной девушке, говорит Сомер, что случилось что-то очень серьезное.

– Ваша мама рассказала, что вы учитесь на модельера, – продолжает она. – Вам это нравится? Создавать одежду?

Девушка поднимает на нее взгляд.

– Обувь, – дрогнувшим голосом произносит она. – Я хочу делать обувь.

Сомер улыбается.

– Это и моя слабость. – Она указывает на свои сапожки. – Как будто вы сами не догадались.

Девушка не то чтобы улыбается, но напряженность несколько спадает. Пусть самую малость. И тут вдруг ее охватывает дрожь. Даже несмотря на то, что в гостиной тепло – слишком тепло.

– Думаю, – говорит Эрика, поворачиваясь к миссис Эпплфорд, – чашка чаю не помешает.

Женщина хмурится.

– Фейт же сказала, что ничего не...

– Миссис Эпплфорд, у меня большой опыт общения с людьми, пережившими стресс. Не знаю, что случилось с вашей дочерью, но в настоящий момент ей нужен горячий чай

и много сахара.

Диана Эпплфорд колеблется, затем поворачивается к дочери.

– Ты побудешь здесь одна пять минут? – тихо спрашивает она. – Можешь прогнать ее в любой момент.

Фейт поспешно кивает.

– Все в порядке, мама. Чай будет кстати.

Сомер ждет, когда женщина выйдет из комнаты. Фейт неподвижно сидит на краешке дивана, зажав ладони коленями.

– Вам повезло, что у вас такая заботливая мать, – говорит Сомер. – Я вам даже немного завидую.

Девушка поднимает на нее взгляд и слабо улыбается.

– Мама беспокоится обо мне, только и всего.

– Для этого и созданы матери.

Фейт пожимает плечами.

– Наверное.

– Но иногда это мешает поговорить откровенно. Особенно о серьезных проблемах. Потому что чем сильнее родные любят нас, тем труднее сказать им что-то такое, что, как мы понимаем, их расстроит.

На лице девушки появляется краска – два красных пятна на бледных щеках.

– Итак, Фейт, – говорит Эрика, чуть подаваясь вперед, – пока мы вдвоем, ты расскажешь мне, что с тобой произошло?

Порывисто обернувшись, Эв оказывается лицом к лицу с девушкой с сальными темными волосами, в джинсах с дырами на коленях. Ростом чуть ниже Эв, чуть более плотная. И у нее в голове возникает непрощенная фраза: «не писаная красавица». Так однажды сказала про Эверетт ее собственная мать, думая, что дочь ее не слышит. Эв тогда было не больше десяти лет. До того она даже не задумывалась о своей внешности, но после того, как удар был нанесен, обратной дороги уже не было. Эв начала обращать внимание на то, как люди реагируют на девочек более привлекательных, чем она. Ее начало беспокоить то, как она одета, ей стало казаться, что к ней относятся хуже из-за ее внешности. И вот теперь она сама думает так про кого-то другого... Эв чувствует, как заливается краской, словно высказала свои мысли вслух. Неужели она так же в точности оценивала и Фейт, сама того не замечая?

Девушка продолжает угрюмо смотреть на нее.

– Извини, – поспешно говорит Эверетт. – Ты Надин, да?

Девушка не удосуживается ответить.

– Фейт разрешила вам заходить сюда? Разве вам не нужен ордер, чтобы совать свой нос в чужие вещи?

– Я никуда не совала свой нос – я искала туалет, дверь была открыта и...

– Неправда. Фейт *никогда* не оставляет открытой дверь в свою комнату. Повторяю, *никогда*.

На это ответить нечего.

Надин отступает в сторону, и Эверетт проходит мимо нее, теперь уже смущенная вдвойне. Лгать она никогда не умела.

* * *

А внизу в гостиной Сомер поднимается с дивана и убирает записную книжку в куртку. Увидев Эв, едва заметно качает головой. Похоже, разговор с Фейт тоже завершился.

Диана Эпплфорд обнимает старшую дочь за плечо.

– Я оставила вас наедине с ней всего на пять минут, а вы устроили ей допрос с пристрастием!

– Нет, – говорит Сомер, – нет, честное слово...

– Я уже вам говорила, – перебивает ее женщина, – Фейт сказала, что никто на нее не нападал. И то же самое она повторила вам, правильно?

– Да, но...

Щеки у Фейт горят, она уставилась в пол.

– В таком случае я прошу вас уйти. Всех. Не сомневаюсь, у вас есть более неотложные дела. Такие, как расследование *настоящих* преступлений.

В дверях появляется Надин.

– Дорогая, ты можешь проводить полицейских? – говорит Диана Эпплфорд. – Они уже уходят.

Проходя мимо Фейт, Сомер смотрит ей в лицо.

– Ты знаешь, где меня найти. Если захочешь поговорить. Девушка прикусывает губу и едва заметно кивает.

* * *

Фаули ждет на улице у своей машины, глядя на лист бумаги размером с фотографию. Но, увидев приближающихся женщин, поспешно его убирает.

– Судя по вашим лицам, далеко вперед мы не продвинулись.

Сомер качает головой.

– Сожалею, сэр. Только я чуть-чуть наладила контакт, как вернулась с чаем мать и решила, что я слишком «назойливая». Не знаю, как бы я смогла разговорить Фейт, не будучи хотя бы *немного* назойливой, такова наша работа. – Она пожимает плечами.

– Но кое-что есть, сэр, – добавляет Эверетт. – Эрика кое-что заметила.

Вопросительно подняв брови, Фаули поворачивается к Сомер.

– Вот как?

– Когда мы уже уходили, – говорит та, – я обратила внимание на волосы Фейт. Она в таком состоянии, что до того я ничего не замечала, но когда мы остались одни, я обратила внимание, что она постоянно их теребит. Справа. Стопро-

центной уверенности у меня нет, но, думаю, части волос не хватает.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

14:15

– Так что мы должны делать? – спрашивает Бакстер.

Времени два с небольшим, и Эверетт докладывает остальным членам команды о деле Эпплфорд. Точнее, о происшествии с Эпплфорд, каковым все это и останется, если только у нас не появится гораздо больше материала для работы. О чем я и напоминаю.

– Мы мало что *можем* сделать. Фейт утверждает, что это просто недоразумение. Первоапрельская шутка, которая «зашла слишком далеко».

– Весьма отвратительная первоапрельская шутка, – угрюмо замечает Куинн, сплетя руки на груди. – И разве сейчас выдирание волос без согласия их хозяина не считается нанесением телесных повреждений?

– Волосы могли отрезать, – вставляет Сомер. – Я не разглядела.

– В любом случае Куинн прав, – вмешиваюсь я. – Это нанесение телесных повреждений. Но мы по-прежнему строим

догадки. Фейт ведь так и *не сказала*, что с ней произошло. И если добавить, что она отказывается говорить, кто-то из ее друзей может быть замешан...

– Те еще дружки, если хотите знать мое мнение. Сделать подобную гадость...

Это снова Куинн. И я, похоже, не единственный, кого несколько удивил этот неожиданный всплеск сочувствия с его стороны. Я замечаю, как Эв вопросительно поднимает брови, но, к счастью, вслух никто ничего не говорит. Я не хочу, чтобы эту многообещающую новую линию задушили в зародыше.

– Хотя это *должен* был быть один из ее знакомых, разве не так? – говорит кто-то из констеблей. – Я хочу сказать, первоапрельскую шутку не станешь ведь разыгрывать с совершенно посторонним человеком, правильно?

– Однако совершенно посторонний человек может изнасиловать, – негромко замечает Асанти.

Наступает молчание, затем Бакстер повторяет свой вопрос. Невозмутимость на первом месте, на последнем и на всех остальных.

– Так что же мы должны *делать*?

Он хмурится, и, если честно, я с ним солидарен. Все это запросто может вылиться в одну огромную пустую трату времени. С другой стороны, если такое повторится снова...

– Если завтра на нас свалится какое-нибудь большое дело, все работы сворачиваются, но пока что, думаю, стоит

немного покопать. Покопать *осторожно*. Позвольте выразиться ясно: Фейт не совершила ничего противозаконного, и мне бы не хотелось, чтобы все выглядело так, будто мы разрабатываем жертву, – но существует возможность того, что было совершено преступление, и я не хочу, чтобы виновному это сошло с рук лишь потому, что Фейт боится разговаривать с нами, это понятно? Так что давайте начнем с того, что еще раз поговорим с этим таксистом – с Маллинсом. Он дал официальные показания?

– Нет, сэр, – говорит Сомерс. – Но у нас есть все его данные. Мы можем с ним связаться.

– Хорошо. И проверьте записи камер видеонаблюдения вдоль Марстон-Ферри-роуд – посмотрите, можно ли установить, откуда Фейт появилась на дороге и был ли с ней кто-нибудь до того, как ее подобрал Маллинс. И еще попросите на заправке, на круговой развязке, чтобы там тоже показали записи со своих камер.

– Ее могли подбросить, – замечает Сомер. – Маллинс сказал, что у нее на одной туфле был отломан каблук. В таком виде она не смогла бы пройти далеко. И быстро.

Один из констеблей указывает на ее сапожки.

– Ты там была и занималась этим, Сомер? – с усмешкой говорит он.

Я жду, пока затихнет смех.

– И еще поговорим с людьми в этом колледже. Посмотрим, можно ли установить личности кого-либо из подруг

Фейт. И выяснить, не было ли у нее проблем с кем-либо.

– Такие привлекательные девушки редко пользуются всеобщей любовью, – замечает Эв.

– Тут может быть замешан парень, – соглашается Куинн. – Даже если постоянного ухажера у Фейт нет, кто-то мог проявлять к ней чересчур большой интерес. Я хочу сказать, если она и впрямь такая шикарная красотка, как вы все утверждаете.

Он проводит рукой по волосам. Вероятно, даже не отдает себе в этом отчет, хотя можно не говорить, что это не остается незамеченным. Куинн всегда рассматривает внешнюю привлекательность через призму собственного «я». Эв открывает было рот, собираясь что-то сказать, но в самый последний момент за счет сверхчеловеческого усилия ей удается сдержаться. Но от меня не укрывается усмешка Сомер.

Тем временем все мысли Бакстера полностью сосредоточены на деле.

– Я могу поискать ее в Сети. Полагаю, нетрудно будет проследить, с кем она общается.

– Хорошая мысль – займись этим. Асанти, ты поговоришь с Маллинсом, а ты, Сомер, – я хочу, чтобы вы с Куинном занялись колледжем.

Эрика чем-то обеспокоена.

– Нам нужно действовать очень осторожно – вы же знаете, какая обстановка в подобных заведениях. Как там распространяются слухи.

– Уверен, вы что-нибудь придумаете. Упирайте на безопасность на улицах, если все остальное не поможет. И еще, Сомер, – поезжай туда в таком наряде.

Она широко раскрывает глаза.

– Хорошо, если вы считаете, что так будет лучше.

Я сухо улыбаюсь.

– Я *считаю*, что подруги Фейт, можно поспорить, также учатся на модельеров.

Ну а если это не сработает, всегда останется не слишком утонченное очарование детектива-констебля Гарета Куинна.

* * *

Колледж дальнейшего образования напоминает Сомер школу, в которой она преподавала в течение нескольких месяцев перед тем, как перешла в полицию. Та же самая глыба бетона и стекла, та же вытоптанная трава и те же ободранные кусты, те же самые усталые старые машины, по сравнению с которыми сверкающий «Ауди» Куинна выглядит породистым скакуном на ослиных скачках. Когда у них еще был роман, Сомер как-то решила подначить его, прокрутив известную песню про парня, который целует на ночь свою машину, но нисколько не удивилась, когда он совершенно не понял шутки. В настоящий момент Куинн устраивает целое представление, паркуясь рядом с помятым старым «Саабом», после чего тратит неуместно много времени, запирая

машину. Сомер обращает внимание на то, какими взглядами достаивают их учащиеся, примерно поровну распределенными между машиной (парни) и водителем (в основном девушки, но не только). И тут также нет ничего удивительного. Куинн высокий, атлетического телосложения и очень красивый, и он буквально излучает самоуверенность. Даже сейчас, несмотря на то, как дерьмово он вел себя по отношению к ней после разрыва, Эрика по-прежнему чувствует притяжение. Хотя, если быть честным, Куинн в конце концов все-таки выдавил из себя что-то похожее на извинение, что для него, вероятно, явилось настоящим подвигом. И в последнее время до Сомер стали доходить слухи о его новой подружке.

Наконец Куинн заканчивает возиться с ключами от машины и, обойдя вокруг нее, присоединяется к Эрике.

– Итак, как ты собираешься разыграть эту партию?

– Я как раз думала об этом. Как насчет того, что мы начнем с директрисы, чтобы выяснить общий фон, и если она согласится, дальше мы скажем учащимся, что хотим поговорить о должной осторожности на улице. Как и предлагал Фаули.

Куинн корчит гримасу. Фаули ему нравится, Эрика это знает, и инспектор уже не раз его прикрывал, но у Куинна не бывало сильный дух соперничества, и он предпочел бы предложить что-нибудь свое. Что-нибудь получше. Как будто это не понятно без слов.

– Как насчет того, если мы спросим у нее? – говорит он. –

Посмотрим, не случилось ли в последнее время что-либо такое, что может оправдать внезапный визит криминальной полиции... Наркотики или что-нибудь такое.

И Сомер вынуждена признать, что это предложение *действительно* лучше.

Она оглядывается, ища указатели к кабинетам, но Куинн ее останавливает.

– Не волнуйся, – говорит он. – Я у кого-нибудь спрошу.

Пять минут спустя Эрика следом за Куинном и учащейся поднимается по лестнице в кабинет директрисы. Они воспользовались лестницей, поскольку это займет больше времени; учащаяся, к которой Куинн обратился за помощью, демонстрирует длинные светлые волосы, очень короткую юбку и практически безграничную готовность слушать с огромным интересом все, что говорит Куинн. Он уже поведал ей о двух расследованиях убийств, в которых, как достоверно известно Сомер, практически не принимал участия, но она не собирается разоблачать его обман. Она только надеется, что его новая подруга знает, во что ввязалась.

* * *

Протокол допроса Нила Маллинса, произведенного
в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд
1 апреля 2018 года, 16:15

Допрос провел детектив-констебль А⁸. Асанти

А.А.: Спасибо за то, что пришли, мистер Маллинс. Надеюсь, это займет совсем немного времени.

Н.М.: Все в порядке. Мне как раз по пути домой. Как она – эта девушка?

А.А.: Она пережила сильное потрясение. Мы все еще не выяснили, что же произошло. Поэтому и решили снова поговорить с вами. Мы хотим уточнить, не вспомнили ли вы еще что-нибудь. Что-нибудь такое, о чем прежде не упомянули.

Н.М.: Да я даже не знаю... Все было так, как я сказал по телефону: я увидел ее впереди, она шла по обочине. Ну, не шла – скорее, ковыляла. Вот почему я решил, что она пьяна.

А.А.: Она находилась к вам спиной?

Н.М.: Верно. Я ехал в сторону Марстона, а она была у поворота к тому пабу – «Гербу Виктории».

А.А.: Это же вдали от жилых домов, не так ли? Вам не показалось это странным?

Н.М.: Точно. Наверное, показалось. Вот почему я сбросил скорость. И только тогда заметил...

А.А.: Что заметили?

Н.М.: То, в каком она была состоянии. Плакала, косметика размазана по лицу, одежда порвана... Сначала я подумал, что она вся в крови, но затем понял,

⁸ В предыдущем романе К. Хантер «Выхода нет» рассказано, что родители Асанти официально называли его Антони, хотя в основном все используют более распространенную форму его имени, Энтони.

что это просто грязь. Перепачкала всю машину, черт возьми.

А.А.: Во что она была одета?

Н.М.: А разве вы в таких случаях не забираете одежду? По телику показывают, так всегда делают.

А.А.: Это исключительно для протокола, мистер Маллинс. Вы же понимаете, таков порядок.

Н.М.: Можете не рассказывать. Я сам полжизни занимался проклятыми бумагами – вот почему и подался в таксисты...

А.А.: Так что насчет одежды, мистер Маллинс?

Н.М.: Ах да, конечно. Извините... Ну, какая-то синяя куртка. Кажется, джинсовая. Под ней белая блузка, но, если честно, я ее совсем не рассмотрел. Потом эти туфли, как я уже говорил. И короткая черная юбка.

А.А.: У нее была дамская сумочка – вообще какая-нибудь сумка?

Н.М.: Нет. Однозначно – никакой сумки.

А.А.: Что произошло после того, как вы остановились?

Н.М.: Я высунулся в окно и спросил, все ли в порядке – не нужна ли ей помощь. Совершенно глупый вопрос, черт возьми, – я хочу сказать, разумеется, все было плохо...

А.А.: Что она ответила?

Н.М.: Ну, она доковыляла до машины и спросила, не отвезу ли я ее домой.

А.А.: Но она не возражала против того, чтобы сесть

к вам в машину? Она вас не испугалась?

Н.М.: Наверное, поскольку это было такси и все такое, она решила, что все нормально. И, если честно, по-моему, ее больше беспокоило, как бы поскорее убратъся отсюда ко всем чертям. Хотя она не села рядом со мной спереди – согласилась сесть только сзади. И опустила стекло до самого конца, хотя холодрыга была страшная.

А.А.: Значит, если б девушка захотела, она могла бы попросить о помощи?

Н.М.: Пожалуй, да. Вообще-то я об этом не задумывался...

А.А.: Она что-нибудь говорила о том, что произошло?

Н.М.: Нет. Я имею в виду, я не хотел... ну, понимаете... допытываться. Я сказал, что отвезу ее напрямиком в полицейский участок, но тут она перепугалась и заявила, что не хочет иметь никаких дел с полицией. Тогда я предложил «скорую помощь», но в больницу она ехать также отказалась. Поэтому я просто отвез ее туда, куда она сказала.

А.А.: Райдал-уэй?

Н.М.: Верно. Потом я подумал, что, наверное, именно поэтому она шла в ту сторону. Она хотела попасть к себе домой.

А.А.: Когда вы туда приехали, там кто-нибудь был? Я имею в виду, дома?

Н.М.: Понятия не имею. Она зашла с черного входа.

А.А.: Вы это не уточняли.

Н.М.: Извините. Не придавал этому значения.

А.А.: Вы говорили, что никакой сумки у девушки не было. Она могла держать ключи в кармане?

Н.М.: Наверное. Если честно, я об этом не задумывался.

А.А.: Но вы точно уверены в том, что она смогла войти в дом?

Н.М.: О да. Она сказала, что если я подожду, она сходит в дом и принесет деньги, но я сказал, что пусть не заморачивается. Может не платить. Выходя из машины, она плакала. Бедная девочка!..

* * *

Саша Блейк откладывает ручку и закрывает записную книжку. Она сидит на кровати, закинув ногу на ногу, на заднем плане звучит негромкая музыка. В ручку воткнуто птичье перо, записная книжка бледно-голубая, с рассыпавшимися по обложке белыми цветами. Саше нравится глянцевый блеск страниц, нравится ощущение записной книжки в руке, однако на самом деле она выбрала ее потому, что маленькая книжка помещается в сумочке. Саша знает, что оставлять ее где попало никак нельзя. Она любит свою маму, очень любит, и знает, что та не станет сознательно шарить в ее вещах; но ни одна мать на свете не обладает той силой воли, которая требуется, чтобы, наткнувшись случайно на записную книжку, не прочитать то, что внутри. Изабель

выкручивается, используя шифр, а Патси держит все в своем телефоне, но Саше нравится все записывать. Так ей легче разобраться в собственных мыслях – это помогает определить, что делать. Но мама этого не поймет. Она вообразит, что в записной книжке все истинная правда. И в каком-то смысле это действительно так. Однако мама все истолкует превратно...

Снизу доносится шум, Саша поспешно протягивает руку и засовывает записную книжку в кармашек своей розовой косметички, после чего откидывается назад и берет томик Китса⁹.

– Как дела, Саша? – спрашивает мама, толкая дверь в комнату. В руках у нее наглаженное белье.

Саша отрывается от книги.

– Все в порядке, корплю над домашним заданием.

Фиона Блейк улыбается.

– Не переусердствуй. Ты же знаешь, что нужно хотя бы изредка получать от жизни удовольствие.

Она кладет белье на комод и, уходя, закрывает за собой дверь. Саша снова открывает книгу. «Дышать, имея вечность впереди, ловить в томленье каждый нежный вдох...»¹⁰ Она вздыхает. Только представьте себе, что кто-то говорит вам такие слова.

⁹ Джон Китс (1795–1821) – великий английский поэт.

¹⁰ Из сонета Китса «Яркая звезда», пер. Г. Филимонова.

– Значит, вы понимаете, почему мы встревожены.

Сомер откидывается на спинку стула. За все время ее рассказа директриса колледжа не промолвила ни слова. Она просто сидела, хмурясь, теребя в руках резинку, глядя в окно. На улице потемнело. Похоже, надвигается дождь, и Сомер ругает себя последними словами. У нее нет ни куртки, ни зонта, а обувь ее самая неподходящая.

Директриса по-прежнему так ничего и не сказала. Сомер бросает взгляд на Куинна, тот пожимает плечами.

– Миссис Маккенна, – говорит она, слегка повышая голос, – как вы думаете, нет ли чего-нибудь такого, о чем нам следует знать? Вы не знаете, у Фейт в последнее время были конфликты с другими учащимися?

Женщина поворачивается к ней лицом.

– Нет. Я ни о чем таком не знаю. Фейт очень популярна среди своих одноклассников.

– Вы не знаете, кто мог сыграть с ней такую первоапрельскую шутку? Вам на ум ничего не приходит?

Директриса снова хмурится.

– Надеюсь, вы не хотите предположить, что это дело рук одного из наших учащихся...

– Ни в коем случае. Но мы знаем, что семья Фейт переехала сюда только летом прошлого года, поэтому, вероятно,

за пределами колледжа у нее друзей мало.

Маккенна снова принимается теревить резинку. Сомер на волоске от того, чтобы вырвать резинку у нее из рук.

– Миссис Маккенна, это очень серьезно...

Директриса резко поворачивается к ней и подается вперед. Казалось, щелкнули выключателем. Теперь она внимательная, деловитая, резкая.

– Боюсь, я не могу ничего рассказать вам о личной жизни Фейт и о том, чем она занимается за воротами колледжа. *Могу* вам сказать то, что она талантливая и трудолюбивая ученица, и я имею все основания ожидать, что она добьется успеха в своей профессии.

– Но у нее есть товарищи, так? – Это уже Куинн. – И у вас *должны* быть кое-какие мысли насчет того, кто они. – Его тон предельно близок к сарказму.

– Вы хотите допросить моих учеников? – Директриса опять хмурится.

– Не *допросить*, нет, – поспешно говорит Сомер. – Мы надеялись устроить все неофициально. Просто пообщаться с одноклассниками Фейт и постараться выяснить, какие могут быть подводные течения – имеет ли место чувство неприязни...

Маккенна поднимает брови.

– В таком случае могу сказать, что я не стану вас останавливать. Но я попросила бы вас проявить больше деликатности и не действовать грубо, чем славится полиция.

– Не было ли у вас в последнее время каких-либо происшествий, которые оправдали бы наше появление? Может быть, проблемы со спиртным?

– Нет.

– Наркотики?

– Категорически нет.

Сомер чувствует реакцию Куинна, но не осмеливается взглянуть на него.

– Хорошо, – ровным тоном произносит она. – В таком случае мы остановимся на чем-нибудь общем вроде личной безопасности.

– Неплохая мысль, – быстро соглашается Маккенна. – На этой неделе ко мне уже обращались две ученицы, которым показалось, будто их преследовали на Иффли-роуд. И очень прискорбно, что ваш полицейский участок видит во всех подобных проблемах лишь дымовую завесу, скрывающую нечто такое, что вы, очевидно, считаете *гораздо* более важным.

– Твою мать, кем она себя считает? – бормочет Куинн, и довольно громко, когда они через пять минут спускаются по лестнице. – Так задирает нос, блин – она глава какого-то заштатного колледжа дальнейшего образования, а можно подумать, что она ректор Бейлиола¹¹!

¹¹ *Бейлиол-колледж* – один из старейших и самых престижных колледжей Оксфордского университета, основан в 1263 году.

В настоящий момент Бейлиол действительно возглавляет женщина. Но Сомер не собирается на это указывать.

* * *

– Тебе нужно переодеться, – замечает Бакстер. – Нет ничего хорошего в том, чтобы сидеть с мокрыми ногами.

Сомер опускает взгляд. Если муссон, налетевший как раз тогда, когда они с Куинном шли через стоянку к машине, не погубил сапожки полностью, это будет чудом. Джинсы промокли насквозь до колен, а о волосах она даже не хочет думать.

– Я серьезно, – продолжает Бакстер. – Если у тебя в организме затаился какой-нибудь дремлющий вирус простуды...

– Все в порядке, – быстро останавливает его Сомер. – Честное слово. Меня больше интересует то, что ты нашел.

Бакстер бросает на нее взгляд, густо пропитанный «ну, потом не приходи ко мне вся в слезах», и отворачивается к экрану компьютера.

– Так, начнем с того, что Фейт Эпплфорд ведет видеоблог, посвященный моде, выходящий где-то раз в две недели. Она называет его: «Ты должна иметь».

– Очень тонко, – улыбается Сомер.

Бакстер хмурится.

– Не понял?

– Ну как же – «Ты должна иметь *веру*». Как в песне Джор-

джа Майкла¹².

У Бакстера на лице по-прежнему недоумение.

– Не бери в голову. Продолжай.

– Хорошо. Так. Значит, она завела его осенью прошлого года, предположительно, когда поступила в колледж. На самом деле все сделано чертовски профессионально. Я имею в виду, в техническом плане. Вот, – говорит он, поворачиваясь к экрану, – взгляни.

тыдолжнаиметь

Подписаться

155 постов 19500 подписчиков 324 подписок

Ф Е Й Т

Мода | Красота | Стиль

Делюсь увлечением, учусь любить себя

Выложено 06 февраля 2018 года, 18:46

(Крупным планом лицо, обращено к камере.)

Всем привет! Добро пожаловать на мой канал, посвященный моде, красоте и стилю. Многие спрашивают у меня, как я создаю свой образ. Точнее, как я выбираю те вещи, которые объединяю вместе. Не только одежду, но и сумки, обувь и все остальное,

¹² Джордж Майкл (наст. имя Йоргос Кириаκος Панайоту; 1963–2016) – популярный британский певец.

потому что, как известно, именно детали создают разницу между тем, чтобы выглядеть хорошо, и тем, чтобы выглядеть потрясающе. Именно об этом я и собираюсь поговорить сегодня.

Все не перестают повторять мне, что не верят, что большинство вещей, которые я ношу, куплены в обычных магазинах, но я неизменно отвечаю: дело не в том, сколько ты тратишь, а в том, чтобы очень грамотно сделать свой выбор.

(Кадр в полный рост, у гардероба.)

Я всегда начинаю с так называемого «ключевого элемента». Что я под этим подразумеваю? Ну, все очень просто: ключевой элемент – это та вещь, вокруг которой строится ваш образ. Это могут быть восхитительные туфли – как, например, вот эти. *(Показывает туфли).*

(Крупным планом лицо, на заднем плане подборка обуви.)

Это мои любимые для вечернего выхода – они от «Иррегуляр чойс», и они просто шикарные: потрясающий цвет и очень выразительные благодаря этой очаровательной отделке серебром. Сразу отвечаю на ваш вопрос: да, они проделали существенную дыру в моих финансах, но они прослужат много лет, и они придают «неповторимую изюминку» остальному моему наряду.

(Кадр в полный рост, в руке платье на плечиках.)

Итак, вот что я имею в виду. Это платье от «Зара», и я купила его пару месяцев назад за 39,99. Мне очень нравится его покрой, и ткань весьма неплохая, если учесть, что оно довольно дешевое. По сути своей, это обыкновенное черное платье, дополненное вот этими складками сзади.

(Кадр в полный рост, демонстрирует платье и туфли.)

Теперь вы видите, как оно смотрится на мне. Смотрите – при движениях эти складки красиво колышутся. А если добавить туфли, все действительно начинает соединяться вместе. Серебро на туфлях подхватывают серебряные блески на горловине платья, что в целом придает шарм. А что никогда не выходит из моды, так это шарм.

(Кадр в полный рост, демонстрирует платье, туфли и аксессуары.)

И наконец, аксессуары. Знаю, вы слышите об этом от меня часто, но это крайне важно. Я просто обожаю эту сумочку – я купила ее в «АСОС», и она у меня уже целую вечность. Больше всего мне нравятся вот эти кисточки, а ремешок можно отстегнуть, если вы хотите использовать сумочку как клатч. Серьги от

«Аксессуариз», и они тоже в виде кисточек. Прикольно, правда? И, как вы, вероятно, уже знаете, что касается украшений, я считаю, что чем меньше, тем лучше; вот почему я, создавая этот образ, не надела бусы – поскольку на горловине и так уже есть серебро, бусы были бы лишними и, наверное, смотрелись бы аляповато, вы согласны?

(Лицо крупным планом, как в начале.)

Итак, на сегодня все. Надеюсь, вам понравилось это видео, и в следующий раз я покажу, как сделала макияж, который был на мне сегодня. А вы, если еще не сделали этого, подписывайтесь на мой канал.

С вами была Фейт. Как всегда, заканчиваю тем же пожеланием: выглядите хорошо, будьте добрыми и любите себя такими, какие вы есть.

– Теперь понимаешь, что я имел в виду? – говорит Бакстер, останавливая воспроизведение.

Сомер кивает, и на нее произвела впечатление не только техническая сторона презентации. У этой девчонки уверенности в себе больше, чем у многих, кто вдвое ее старше.

– А что насчет личной жизни? Социальные сети? Подруги, друзья? Враги?

Бакстер качает головой.

– Никаких парней я найти не смог. Она много выкладывает в «Инстаграм», но по большей части это лишь шикарные

фотографии и сотни чертовых хештегов.

Сомер улыбается, мысленно представив себе, как Бакстер просматривает один за другим снимки модной обуви и накрашенных бровей. Она не может припомнить, когда последний раз при ней произносили слово «шикарный».

Тем временем Бакстер продолжает говорить:

– Но, похоже, в «Твиттере» ее совсем нет, а страничка в «Фейсбуке» практически пустая. Судя по всему, эта девица предпочитает вещать, а не вести диалог.

Сомер кивает.

– Такое же впечатление мы составили в колледже. Все ее знают, но никто не знает ее хорошо. Одна ученица описала Фейт как «приятную, но очень-очень замкнутую». Я просто не представляю себе, как она могла разозлить кого-либо настолько, что с ней разыграли шутку – особенно такую утонченную и жестокую.

Лицо Бакстера остается угрюмым.

– Если это *действительно* была просто шутка. Мне кажется, тут что-то гораздо хуже.

Эрика кивает.

– Понимаю.

– Но если действительно имело место насилие сексуального характера, почему, черт возьми, она не хочет об этом заявить?

Сомер вздыхает.

– Тут она не первая. Далеко не первая.

Какое-то время они сидят, разглядывая лицо девушки на экране. Фейт застыла в полуулыбке, уверенная в себе, счастливая. Эрика с трудом узнает в ней ту девушку, которую видела сегодня утром.

– Один момент кажется мне немного странным, – наконец нарушает молчание Бакстер.

– И какой же?

– Все странички Фейт в соцсетях – в «Инстаграме», в «Фейсбуке», – все они созданы только в прошлом году.

Сомер удивленно смотрит на него.

– До этого ничего?

– Не думаю, – Бакстер качает головой. – Но я ничего не смог найти.

Эрика хмурится: тут что-то не так.

– Как ты можешь это объяснить?

Он пожимает плечами.

– Никак. Но что я знаю о подростках?

Сомер снова поворачивается к экрану. Судя по всему, видео снималось в спальне Фейт. Эрика видит доску с вырезками, о которой говорила Эв, а под ней белый столик с коробочками, флаконами косметических средств и полудюжиной фотографий в рамках.

– Можешь увеличить вот это? – вдруг спрашивает она.

Бакстер бросает на нее вопросительный взгляд, но ничего не говорит. Он стучит по клавиатуре, и фотографии увеличиваются во весь экран.

– Это же просто старые семейные фото, – говорит Бакстер, откидываясь на спинку кресла. – Фейт даже нет на них.

Но Сомер уже подалась вперед, сидит на краешке стула, прильнув к экрану. Когда она оборачивается к Бакстеру, у нее горят глаза.

– Вот именно. Фейт на них *нет*.

* * *

Саша лежит на спине на кровати, уставившись в потолок. Много лет назад, когда она была маленькой, мама наклеила на нем маленькие серебряные звездочки, светящиеся в темноте. И, будучи такой, какая есть, она не просто приклеила их абы как; составила созвездия – Большую Медведицу, Кассиопею и Плеяды. Эту идею мама почерпнула в какой-то телепередаче про Большой центральный вокзал в Нью-Йорке. С годами некоторые звездочки отвалились, и теперь Орион вынужден обходиться без головы, но Саша по-прежнему очень любит потолок в своей комнате. Она дала себе слово как-нибудь приехать в Нью-Йорк и увидеть оригинал. Это в списке обязательных дел, на последней странице записной книжки, вместе с...

Пищит телефон, Саша перекачивается на живот и подбирает его с пола. Патси. Селфи, на котором она засовывает себе в рот два пальца, затем фотография сковородки, полной нарезанной кубиками моркови.

Саша набирает: «Прикольно» – и получает в ответ цепочку отвратительных зеленых рожц.

«Ты завтра идешь в школу?» – пишет она.

Телефон тотчас же пищит снова. «А ну ее в задницу! Лучше позырю телик». И фотография ее ног в мягких шлепанцах, закинутых на подушку. На заднем плане телевизор с «Шоу Джереми Кайла»¹³. Здоровенный охранник разнимает двух девиц-подростков, пытающихся выцарапать друг другу глаза. Субтитры внизу гласят: «Ты переспала с моим парнем, и я это докажу!»

«Только посмотри на этих глупых кобыл», – пишет Патси.

Саша смеется и печатает в ответ: «Идиотки!»

Следует пауза, и она уже начинает думать, что Патси переключилась, но тут появляется новое послание. «Здесь снова этот чертов Ли, – гласит оно. – Опять ходит полуголый, трясет своими мерзкими сиськами». Еще одна строчка отвратительных рожц. «Хорошо бы мать проснулась и прибила этого кретина».

Саша хмурится.

«Ты одна?»

«Мать скоро вернется».

«Не знаю, что она нашла в этом извращенце, – пишет Саша. – Патс, ты точно ОК?»

¹³ «Шоу Джереми Кайла» – провокационное развлекательное ток-шоу, вышло на британском телевидении с 2005 по 2019 г. и было закрыто в связи с тем, что один из его участников предположительно покончил с собой по итогам съемок.

Появляются алые губки, затем: *«О-о-о, ты лучшие всех! Я послала его к такой-то матери. Увидимся завтра, малыши. Ххх¹⁴»*.

Звезды у Саши над головой начинают светиться, она встает, подходит к окну и задерживает занавески. Напротив, на той стороне улицы, стоит белый фургон. В кабине сидит мужчина, но Саша не может разглядеть его лицо.

* * *

– Ты понимаешь, что я имею в виду? – говорит Сомер. – Фейт нет ни на одной из этих фотографий, и ее также не было ни на одной из тех, что я видела в гостиной Эпплфордов.

– И?.. – Бакстер хмурится.

– Там были фотографии матери и еще какой-то темноволосяй девочки, но это определенно Надин, а не Фейт.

– Я по-прежнему не совсем понимаю, к чему ты клонишь. Может быть, Фейт просто не любит свои фотографии. Бывают такие люди. Особенно детские снимки, черт возьми. У меня рожа была определенно, как у Шрэка.

Сомер с трудом сдерживает улыбку.

– Но возможна и другая причина, почему Фейт нет на фотографиях. Что, если ее удочерили?

Бакстер пожимает плечами.

¹⁴ Обозначение поцелуев.

– Но если и так, какая разница? Кому придет в голову нападать на нее только потому...

– Ты можешь запросить данные из Главного регистрационного управления?

Бакстер тяжело вздыхает, однако ему уже приходилось видеть на лице у Сомер это выражение. Когда она в таком настроении, лучше ей не перечить.

Бакстер нажимает на клавиши, и открывается новое окно. Он поворачивается к Сомер.

– Итак, что ты хочешь знать?

– Мы можем посмотреть свидетельство о рождении Фейт? Ей сейчас восемнадцать, так что родилась она в девяносто девятом или двухтысячном.

Бакстер запускает программу поиска и хмурится.

– Что? В чем дело?

Он указывает на экран.

– Этого же не может быть. Ведь так?

Но Сомер задумчиво кивает.

– Думаю, может. Более того, думаю, это все объясняет.

* * *

Времени уже двенадцатый час ночи, когда Эверетт получает от Сомер сообщение по электронной почте, в котором говорится, *что* они нашли. И то только потому, что она забыла отключить телефон перед тем, как свалилась в постель.

Громкий писк и вспышка света мгновенно пробуждают ее и заставляют схватить телефон, прежде чем до нее доходит, что она делает. Лежащий в ногах кровати кот ворочается и устраивается поудобнее. Чувствуя гулкие удары сердца, Эверетт берет телефон и смотрит на экран. Такие вот встряски вредны для здоровья.

Затем она снова откидывается на подушку и смотрит на потолок, который не видит. Сердце у нее по-прежнему колотится, но теперь то, что ее разбудили среди ночи, больше не имеет к этому никакого отношения.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

23:07

Я ставлю посуду в посудомоечную машину, когда звонит мой сотовый. Это Сомер. И она даже не приносит извинения. А это, поверьте мне, совсем на нее не похоже.

– Сэр, я отправляю вам кое-что на электронную почту. Вы можете перезвонить, когда получите это?

– Что это?

– Регистрация акта рождения. Тысяча девятьсот девяносто девятого года.

Разговор заканчивается. И тотчас же телефон пищит.

ЗАВЕРЕННАЯ КОПИЯ ЗАПИСИ О РОЖДЕНИИ

Выдана ГЛАВНЫМ РЕГИСТРАЦИОННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

Номер записи 7U54500TRX

РЕГИСТРАЦИОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ		Беркшир	
1999	г. МЕСТО РОЖД.	Уоркингхэм	ОКРУГ графство Беркшир

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
до	прежде и место рождения	имя, если есть	пол	имя и фамилия отца	имя, фамилия и девичья фамилия матери	род занятий отца	заявитель	дата записи	подпись сотрудника	Иск, полученное по регистрации

Тридцать первое июля Королевский госпиталь Беркс	Дэвид Джозеф	М	Дуглас Энглфорд	Диана Энглфорд, урожденная Блайт	сотрудник муниципалитета	Диана Энглфорд, мать, Уоркингхэм	десятого августа 1999 г.	Энн Уильямс	сотрудник
--	--------------	---	-----------------	----------------------------------	--------------------------	----------------------------------	--------------------------	-------------	-----------

ПОДЛИННАЯ копия записи в указанном отделении

Выдана ГЛАВНЫМ РЕГИСТРАЦИОННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ, заверена печатью вышеназванного отдела десятого числа августа 1999 г.

ВНИМАНИЕ: ПОДДЕЛКА СВИДЕТЕЛЬСТВА, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ХРАНЕНИЕ ПОДДЕЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА КАРАЮТСЯ ЗАКОНОМ

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ДОКУМЕНТОМ, УДОСТОВЕРЯЮЩИМ ЛИЧНОСТЬ

– Какие-то проблемы? – спрашивает Алекс, увидев выражение моего лица.

– Пока что не знаю.

Но мне это не нравится. А когда я вижу то, что прислала Сомер, это начинает нравиться еще меньше.

– Пожалуйста, скажи, что это не то, что я подумал.

Я слышу, как Сомер вздыхает.

– Хотелось бы.

– Ты уверена? Мы не могли ошибиться?

– Мы все перепроверили. У Энглфордов есть еще только

один ребенок. Дочь Надин, родившаяся шестого июня две тысячи второго года.

– Значит, Фейт не дочь. А сын.

– Сэр, сама она смотрит на это иначе. Я хочу сказать, да, так записано в свидетельстве о рождении, но, думаю, Фейт скажет, что она всегда считала себя девочкой.

И разумеется, теперь все встает на свое место. Почему Фейт отказалась от осмотра врачом. Почему не хотела говорить с нами, почему даже не захотела заявлять о случившемся. Почему мать так ее защищает. Возможно, это даже объясняет то, почему Эпплфорды переехали сюда. Они хотели начать все заново; для Дэниела это был шанс оставить все в прошлом и начать новую жизнь. Теперь уже как девушка.

– Есть какие-нибудь записи об изменении имени – было ли обращение о получении свидетельства о смене пола?

– Нет, сэр.

– То есть с юридической точки зрения Фейт по-прежнему остается Дэниелом?

– Вполне возможно. Из чего, вероятно, следует, что Фейт вынуждена была подавать документы в колледж под этим именем. Думаю, вот почему директриса так юлила. Она сказала нам, что «не может ничего рассказать» о личной жизни Фейт. Мы предположили, что директриса ничего *не знает*, но теперь, оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что она очень тщательно составила эту фразу.

Я глубоко вздыхаю. Алекс вернулась в гостиную, я слышу

звуки телевизора, дождь барабанит по стеклу мансардного окна у меня над головой. Я знаю, что нужно делать, просто у меня нет особого желания этим заниматься.

– Хорошо, Сомер. Остальное предоставь мне. Я позвоню Харрисону и скажу, что мы собираемся переквалифицировать это дело. Возможно, речь идет о преступлении на почве ненависти.

* * *

Эй, кто-нибудь сегодня видел Фейт?
В колледже ее не было и похоже я ее вообще не видела. Встревожилась когда сюда заявила полиция

Нет я ее не видела. Спроси у Джесс. Они типа подруги

Уже пробовала но она сказала нет. У тебя есть ее мобила?

Извини нет. Попробуй через акк в Инсте

Хорошая мысль. Попробую. Меня парит что никто ее не видел

* * *

Уже поздно, но нет и речи о том, что Сомер ляжет спать в обозримом будущем. Она берет телефон и колеблется в

нерешительности, гадая, не разбудит ли его. Но Эрика знает, что он не ложится спать рано, а сейчас ей очень хочется услышать его голос.

Он отвечает после второго гудка: значит, не спал.

– Привет, я надеялся, что ты позвонишь. Как там оно?

– Ты имеешь в виду дело? Думаю, лучше. Возможно, у нас прорыв.

– У вас или у *тебя*?

Сомер улыбается. Это он умеет: напомнить ей о ее собственных успехах. У нее это как-то не получается – даже сейчас.

– А от тебя ничего не скроешь, да?

Он смеется, у него приятный смех.

– Ну, кажется, у меня есть кое-какая конфиденциальная информация на данное конкретное лицо.

Эрика садится в кресло и подбирает под себя ноги, она слышит на заднем плане тихие неразборчивые голоса.

– Ты смотришь телевизор? – На самом деле это ее не интересует – ей просто хочется поговорить. О чем угодно... ни о чем.

– Ага.

Можно не спрашивать, что именно. Для следователя с более чем десятилетним опытом работы Джайлс сохранил трогательную привязанность к преступлениям. Телевидение, книги, видео, скачанное из Интернета, – у него есть все, свидетельством чему являются диски, которыми теперь завален

шкаф Сомер. И она разделяет это увлечение – до определенного предела. Она смотрела вместе с Джайлсом «Подозрения»¹⁵ и не могла оторваться, но Джайлса интересует весь спектр, от серьезных документальных фильмов до таких поделок, как «Жены с ножами»¹⁶ и «Жаркие южные преступления»¹⁷, что Сомер сначала приняла за розыгрыш. Однако с точки зрения Джайлса все это одинаково увлекательно. «Помогает мне понять почему, – ответил он, когда Сомер пристала к нему. – Почему, после десяти тысяч лет развития человеческой цивилизации, мы по-прежнему делаем друг другу такие вопиющие мерзости».

– А у тебя как прошел день?

Эрика слышит, как Джайлс потягивается.

– Нормально. Ничего особенно интересного.

– От девочек слышно что-нибудь насчет лета?

У Сомареса две дочери, живущие вместе с матерью в Ванкувере. Сомер с ними еще не встречалась, но они должны приехать на длинные летние каникулы. Эрика старается изо всех сил не допустить, чтобы эта перспектива свела ее с ума.

– До сих пор жду подтверждения вылета.

Она ищет, что бы еще сказать, но начинает сказываться

¹⁵ «Подозрения» – французский телесериал о судебном процессе по делу Майкла Петерсона, обвинявшегося в убийстве своей жены.

¹⁶ «Жены с ножами» – американский документальный сериал о женщинах, совершивших преступление в отношении своих пар.

¹⁷ «Жаркие южные преступления» – американский документальный сериал о загадочных преступлениях, совершенных в южных штатах США.

долгий день.

– Все будет хорошо, – говорит Джайлс, правильно истолковав ее молчание. – Точно. Они отличные девчата. И хотят, чтобы я был счастлив.

«А счастливой меня делаешь ты».

Джайлс не произносит это вслух, но, наверное, в этом и нет нужды.

– Жду не дождусь, когда познакомлюсь с ними, – говорит Сомер, с удивлением и радостью ловя себя на том, что говорит это искренне.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

09:15

В нашем ремесле бывают разные виды молчания. Есть молчание бессильной ярости, когда у нас есть абсолютная убежденность, но нет абсолютно никаких доказательств, и мы ни черта не можем поделать. Есть молчание сострадания, к людям, которым пришлось перенести ужасное, в том числе – и особенно – от рук тех, кто вроде бы любил их. И есть молчание неудачи и сожаления, когда мы сделали все возможное, однако этого оказалось недостаточно. Но когда Сомер присылает копию свидетельства о рождении Фейт, это мол-

чение совершенно другого вида. В воздухе буквально витает запах страха. К чему все это может привести, чем обернуться?..

– Значит, вы полагаете, что это может быть преступление на почве ненависти? – говорит Гислингхэм, поворачиваясь ко мне.

Я киваю.

– Надеюсь, что это не так. Однако подобная вероятность существует.

Эверетт беспокойно ерзает.

– Но Фейт по-прежнему утверждает, что никакого нападения не было. Как мы можем начать расследование, если она не говорит нам, что произошло на самом деле?

– Нам просто остается надеяться на то, что она передумает, – замечает Бакстер, похоже, взявший на себя прежнюю роль «того, кто указывает всем на очевидное».

Снова молчание. Молчание оценки ситуации. Размышления.

– Итак, как, по-вашему, нам следует разыграть эту партию? – Это уже Куинн.

Я собираюсь с духом.

– Мы начнем с того, что еще раз допросим Фейт. На этот раз официально – и настойчиво. Полагаю, мне не нужно напоминать вам о том, что действовать нужно крайне осторожно, однако от этого никуда не деться: необходимо выяснить, кому, помимо родных Фейт, известно истинное положение

дел.

– Я могу еще раз проверить социальные сети, – предлагает Бакстер. – Посмотреть, есть ли что-нибудь – быть может, она посещает какие-либо форумы подростков-трансвеститов... В первый раз ничего не выскочило, но я особо и не искал.

– Замечательная мысль, Бакстер! – подхватывает Гис, судя по всему, стремящийся применить на практике последнюю тему «Поддержание обратной связи» («будьте позитивными, обращайтесь по имени»; уж я-то должен знать, в свое время меня также посылали на эти проклятые курсы).

– Да, согласен, – говорю я. – И посмотрим, удастся ли проследить отца.

Гис кивает и делает пометку.

Я обвожу всех взглядом. Только один из присутствующих еще ничего не сказал.

– Есть какие-либо мысли, констебль Асанти?

Констебль задумывается, и делает он это не спеша. По крайней мере, молчание его не пугает.

– Нет, – наконец говорит он. – Думаю, мы все предусмотрели.

* * *

Эверет и Сомер сидят в машине напротив дома 36 по Райдал-уэй. Внутри никаких признаков жизни. Пять минут назад в дверь стучал почтальон, но никто не ответил. Констеб-

ли еще видят его, он у соседнего дома, разговаривает с пожилой женщиной с чихуахуа, заливающейся истошным лаем у нее под мышкой. Сомер корчит гримасу: такая была у ее бабушки, когда Сомер была маленькой. С тех пор она ненавидит маленьких сварливых собак.

Сомер смотрит на часы.

– В колледже сказали, что Фейт заболела, так что она должна быть дома. И, определенно, мать уже должна была уйти на работу.

– И забрать с собой очаровательную Надин, – тяжело замечает Эв, открывая дверь машины. – Так что давай сплунем через левое плечо и будем надеяться, что нам повезет больше, чем почтарю.

Женщины проходят по дорожке к входной двери. Улица совсем опустела, если не считать двух галок, раздирающих какую-то свежую жертву дороги, определить которую невозможно. Не самый веселый знак.

Эв звонит и ждет. Затем звонит снова, на этот раз дольше.

– Я ничего не слышу.

– Подожди минутку, – говорит Эрика. – Вероятно, она пытается рассмотреть, кто это. На ее месте я поступила бы именно так.

И действительно, вскоре слышатся звуки шагов, и дверь открывается. Но медленно и чуть-чуть.

– Что вам нужно? – Лицо ее отмыто, но глаза по-прежнему красные. Она кутается в тот же самый старый, потрепанный

свитер, словно в смирительную рубашку. – Мамы дома нет.

– Мы хотели поговорить с тобой, Фейт, – говорит Сомер. – С тобой одной, если ты ничего не имеешь против. Это очень важно.

– А разве мама не должна находиться рядом?

Эв качает головой.

– Вам никто не нужен, если только вы сами этого не хотите. Вы – жертва. Не преступник. Вы не сделали ничего противозаконного.

Она делает упор на последние слова, стараясь заставить девушку посмотреть ей в глаза. «Мы на твоей стороне – мы хотим помочь».

– Мы можем сделать все так, как тебе будет удобнее, – говорит Сомер. – В полицейском участке в присутствии твоей матери или того, кому ты доверяешь, или здесь, без посторонних. Мы решили, что так будет проще, но на самом деле решать тебе. Мы сделаем так, как ты пожелаешь.

Фейт колеблется.

– Я же сказала вам – это была лишь неудачная шутка. – Однако ее взгляд остается настороженным. Потому что она видит что-то на лицах констеблей, что-то такое, чего прежде не было.

Сомер делает шаг вперед.

– Фейт, мы все знаем, – негромко говорит она. – Мы знаем про тебя – про Дэниела.

Девушка кусает губу, ее глаза наполняются слезами.

– Это так несправедливо, – шепчет она. – Я никому не сделала ничего плохого...

– Извини, – говорит Эрика, легонько прикасаясь к ее руке. – Если б я могла, то не трогала бы это. Но ты понимаешь, почему мы встревожены. То, как ты поступаешь со своей собственной жизнью, больше никого не касается, и тут мы полностью на твоей стороне. Но мы не хотим, чтобы это повторилось опять с какой-нибудь другой девушкой. С кем-нибудь еще, оказавшимся в таком положении. Это... это очень плохо. Даже если речь идет просто о «неудачной шутке». А если это была не...

Она не договаривает фразу до конца. Поскольку знает силу молчания. Молчание – хороший рычаг.

Фейт шмыгает носом и вытирает слезы.

– Хорошо, – наконец говорит она. – Хорошо.

* * *

Тони Асанти сидит в кафе на Литтл-Кларендон-стрит. Это сверхмодное заведение с выставленными на витрине булочками, красивыми пирожными и пирожками из дрожжевого теста. Народу много, и люди в очереди недовольно косятся на двух студентов, разложивших на столе свои компьютеры. Как и на Асанти, но тот, поглощенный своей работой, не замечает ничего вокруг: чашка кофе перед ним давно пуста, но он все сидит, уставившись в экран телефона, примерно раз

в минуту перелистывая интернет-странички. Пусть социальные сети были поручены Бакстеру, но тот никогда не сделает то, чем сейчас занимается Асанти. И не попадет туда, куда попал Асанти.

* * *

Фейт проводит женщин на кухню в дальнем конце дома. Эв уже внутренне приготовилась к обилию бледно-лиловых тонов, однако здесь лишь безликие кремовые шкафы и столешницы, с виду гранитные, но на самом деле, скорее всего, пластиковые. Холодильник оброс записками с напоминаниями, закрепленными маленькими веселыми магнитами. Лохматая овечка, эмалированная кошка, три утенка, большое розовое сердечко, утверждающее: «Дочери сначала просто маленькие дети, но, вырастая, становятся подругами», и еще один, квадратный, желтый, с пучком нарциссов: «Просто будь собой. Это само по себе прекрасно».

Сомер чувствует, как к горлу подступает комок. Пусть с полицией Диана Эпплфорд ведет себя резко и агрессивно, когда речь заходит о ее детях, сердце у нее определено там, где нужно. Она будет помогать своим дочерям, кем бы те ни оказались. И Эрика вдруг понимает, что ее муж, вероятно, оказался в конечном счете неспособен на то же самое, – и в этом, скорее всего, причина того, что его больше здесь нет.

– Чаю хочешь? – спрашивает Сомер, подходя к чайнику. –

Кофе?

Фейт молча качает головой, однако Эверетт выражает согласие. Она поступила бы так же, если б уже выпила четыре чашки и была бы накачана кофеином; дело не в напитке, а в домашнем уюте, в успокаивающем воздействии обыденных мелочей. В шкафу есть только банка с растворимым, но маленькое помещение наполняется ароматом. На первый раз неплохо; Сомер недоумевает, почему на запах он неизменно лучше, чем на вкус.

Она придвигает к столу табурет и ставит перед Эв чашку. Женщины ждут, заговорит ли Фейт первой, – им хочется, чтобы она взяла инициативу в свои руки.

– Итак, – начинает Эверетт, растянув процесс добавления в кофе сахара и молока (обыкновенно она не добавляет ни то, ни другое) так долго, как это только в человеческих силах.

– Я поговорю с вами, – наконец говорит Фейт. – Но я не хочу, чтобы это вышло наружу. Я имею в виду широкую огласку. Того, кто я. Какая я.

Женщины переглядываются. Они понимают, как опасно давать подобные обещания. Особенно если это действительно преступление на почве ненависти. Сомер шумно вздыхает и принимает решение.

– До тех пор пока мы не будем знать, *кто* это сделал, мы не узнаем *почему*. Если этот человек поступил так потому, что ты такая, мы предъявим ему обвинение в этом, и тогда уже

не удастся полностью исключить упоминание твоего имени.

Фейт начинает было качать головой, но Сомер продолжает:

– *Однако*, если он напал на тебя потому, что ты красивая девушка, а ты *действительно* красивая девушка, тогда это уже другое дело. В любом случае я *обещаю*, что сделаю все возможное, чтобы защитить твою личную жизнь.

Она берет Фейт за руку, заставляя ее посмотреть ей в глаза, поверить ей. Их взгляды встречаются, и девушка медленно выпрямляется и поднимает голову.

– Хорошо. Что вы хотите узнать? – говорит она.

– Почему бы тебе не начать с самого начала? – предлагает Сомер. – Ты позавтракала с мамой и сестрой и отправилась в колледж, так? Начнем отсюда.

Фейт собирается с духом.

– Я вышла из дома ровно в девять и направилась к автобусной остановке на Черуэлл-драйв. Там это и случилось.

– На тебя напали – тебя похитили? Ты это хочешь сказать?

Фейт опускает взгляд и кивает.

– Улица обычно довольно оживленная в это время дня, да? – говорит Эв. Она произносит это как вопрос, в надежде на то, что так в ее словах прозвучит меньше вызова; однако никуда не деться от того факта, что Райдал-уэй – торная дорога, а в то утро не было никаких сообщений о происшествиях. Мысль о том, что молодую девушку могли похитить на оживленной улице в разгар часа пик, и никто ничего не

заметил...

Фейт на мгновение поднимает взгляд.

– Как раз начался дождь. Сильный.

Что, конечно, могло все объяснить. Дорога внезапно оказывается залита водой, окна запотевают, водители больше сосредоточены на том, куда едут, а не на том, что творится вокруг них.

– Я остановилась, чтобы достать зонтик, – продолжает Фейт. – Поставила сумку на стенку и открыла ее. Тут все и произошло. Мне на голову накинута пластиковый пакет и потащили назад. Я попыталась отбиваться от них, но они приставили что-то к спине. Что-то острое. Я решила, что это нож.

– Лица нападавшего ты не видела? – спрашивает Сомер, стараясь сохранить голос спокойным. От этого кошмарного сна она сама просыпается на рассвете. Невозможно дышать, невозможно ничего видеть. – Никто не проходил мимо прямо перед этим? Никто не болтался рядом?

– Я была в наушниках, так что не следила за тем, что происходит вокруг.

– И что было дальше?

– Он потащил меня к гаражам. Я этого не видела, но почувствовала – там щебенка, а не асфальт.

– К гаражам? – спрашивает Эв.

– Да, знаете, в стороне от дороги.

И Эв, задумавшись, признает, что действительно знает.

Сейчас такое уже редко встретишь, но на Райдалуэй отдельная территория для гаражей, у самого пересечения с Черуэлл-драйв. И теперь рассказ Фейт становится более правдоподобным: если нападавший затаился там, его не было видно с улицы, и ему потребовалось бы всего несколько секунд, чтобы похитить Фейт.

– И тогда он прижал меня к машине, и я услышала, как он открыл дверь.

– У него была машина?

– О да, – Фейт кивает, – у него была машина. Фургон.

– Что произошло дальше?

– Он толкнул меня, и я упала в кузов. Вот тогда он связал мне руки.

– Спереди или за спиной?

– Спереди.

– И ты уверена, что это был фургон? Может быть, внедорожник? Или какая-нибудь другая машина, открывающаяся сзади?

Фейт качает головой.

– Я ничего не видела, но для внедорожника машина была слишком низкая. И недостаточно большая. Когда мы круто поворачивали, меня швыряло в борта. На полу лежал пластик – я чувствовала, как он ко мне липнет.

Сомер кивает и делает пометку. Какой бы душевной травмой ни сопровождался этот рассказ, теперь, когда Фейт наконец решилась, оказалось, что она на удивление хороший

свидетель. Точная, наблюдательная, внимательная к деталям.

Теперь она теребит бусы: те, на которых ее имя.

– Сначала ты сказала «они», – напоминает Сомер. – А потом – «он»... Может быть, это был не один человек?

Фейт пожимает плечами.

– Я так не думаю. Точно не знаю.

– Но никто ничего тебе не говорил – голосов ты не слышала?

Девушка качает головой.

– За все это время он ничего не сказал. Не произнес ни одного слова.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

11:24

Я уже на полпути домой, когда мне звонят. Увидев, кто это, я чертыхаюсь. Я обещал Алекс присутствовать при визите патронажной сестры, но тешил себя надеждой вернуться в участок до того, как моя команда сообщит, что я в самоволке. Увы моим надеждам...

Соединение начинает разрываться, но я все-таки слышу:

– Сэр! Это Тони Асанти.

Мне следовало бы догадаться, что это окажется он. Асанти с нами уже несколько месяцев, и пока что я не могу ни в чем его упрекнуть. Прилежный, толковый, великолепно подготовленный в техническом плане. Он делает то, что ему говорят, а когда нужно, проявляет инициативу. И все-таки есть в нем что-то такое, за что я никак не могу ухватиться, и, как мне кажется, то же самое могут сказать и все остальные члены команды. Каждый раз, когда я начинаю думать, что наконец вычислил его, ему снова удается поставить меня в тупик. Такое ощущение, будто Асанти играет роль, выполняет заученные движения, а его истинные цели находятся где-то в другом месте. Алекс говорит, что он, вероятно, просто чрезмерно честолюбив и плохо это скрывает, и я подозреваю, что в чем-то она права. Определенно, это объяснит, почему Куинн сразу же проникся к нему неприязнью, и, взглянем правде в глаза, у него также плохо получается это скрывать. Однако, в отличие от Куинна, Асанти лучше ладит с женской половиной команды, чем с мужской, что в нашем ремесле по-прежнему встречается нечасто. Быть может, дело просто в том, что он, как и они, знает, что такое быть в меньшинстве.

– В чем дело, Асанти?

– Прошу прощения за то, что беспокою вас, сэр. Мне кажется, я кое-что нашел.

Я хмурюсь.

– Что – ты имеешь в виду Дугласа Эпплфорда? Тебе удалось его разыскать?

Небольшая пауза. Смушение или расчет?

– Нет. Другое. Послушайте... будет лучше, если я объясню все при личной встрече. Если вас нет на месте, я могу к вам подъехать.

Разумеется, меня «нет на месте», черт побери. В противном случае он не звонил бы мне на сотовый.

Я слышу на заднем плане шум машин, значит, Асанти на улице.

– Я не в участке. Мне пришлось заехать домой. На минутку.

– Это в Райзингхерсте, правильно? Я могу подъехать туда.

Не знаю, почему меня раздражает то, что ему известен мой адрес, однако это так. Не то чтобы люди с работы не бывали у меня дома, однако это происходило не так часто. И это прекратилось с тех пор, как Алекс забеременела.

– Я буду отсутствовать около часа. Это не может подождать до моего возвращения?

Я слышу вздох.

– Если честно, сэр, не думаю.

* * *

– Мы ехали очень быстро. Но совсем недолго – всего несколько минут. Затем снова остановились, и он вытащил меня из машины. Сначала мы шли по чему-то твердому, затем по траве – земля была неровной, раскисшей от дождя.

У меня промокли ноги. А потом он меня куда-то затолкал, я услышала, как захлопнулась дверь, и стало темно.

– Представляю, как тебе было страшно, – тихо произносит Сомер.

Фейт опускает взгляд, у нее дрожат губы.

– Я подумала, он сейчас меня убьет.

У нее по щекам текут слезы, и Эрика тянется через стол и берет ее руки в свои.

– Ты *невероятно* храбрая. Осталось еще совсем немного, обещаю.

Фейт собирается с духом.

– Он толкнул меня на пол. Я упала на спину. Пол был холодный. В мелких камешках. Я кричала и брыкалась, но он схватил меня за ноги и стащил трусики.

Теперь слезы текут ручьем, щеки стали красными.

Женщины снова переглядываются. Именно этого они и опасались. И теперь у них нет выбора: они должны надавить на девушку.

– Фейт, – мягко говорит Сомер, – сейчас я задам очень деликатный вопрос. Очень личный. Я сожалею, что вынуждена его задавать, и поверь мне, я бы его не задала, если б не крайняя необходимость. – Следует пауза, она крепче сжимает руки девушки. – Ты можешь сказать... тебе делали операцию по изменению пола?

Фейт отводит взгляд. Качает головой.

– Еще нет. Может быть, потом.

– Как ты думаешь, тот, кто это сделал, – по-твоему, он мог знать?

Теперь Фейт поднимает голову и смотрит на них. Она широко раскрывает глаза.

– Вы хотите сказать, был ли он *удивлен*? Вы спрашиваете у меня именно *это*?

Сомер чувствует, что у нее горит лицо.

– Извини, Фейт, я не хотела быть грубой. Но ты должна понять, почему я спрашиваю, – это огромная разница. Мы хотим понять, с каким преступлением имеем дело. Чтобы сузить круг тех, кто мог это сделать.

Фейт вытирает слезы тыльной стороной ладони. Полицейские ждут, не торопят ее. Эрика слышит доносящийся откуда-то с улицы лай. Надрывистый. Обиженный. Вероятно, опять эта проклятая чихуахуа.

– Фейт, кто еще знает о том, что вы – трансвестит? – наконец спрашивает Эверетт. – Помимо ваших родных?

У нее дрожит голос.

– Здесь больше никто. Я никому не говорила.

– Даже своим подругам? Даже своей лучшей подруге?

Фейт отводит взгляд.

– Я не хочу, чтобы на меня смотрели и видели парня, одевшегося девушкой. Таращились, стараясь определить, какие мелочи меня выдают. Я хочу, чтобы все видели *меня*.

– Ну а там, где вы жили раньше? В Бейсингстоке, не так ли? Ты поддерживаешь связь с кем-либо оттуда?

Она пожимает плечами.

– Я хотела начать заново. Оставить все позади.

Ей не нужно объяснять: обе женщины прекрасно представляют себе, на что это было похоже.

Фейт снова принимается теревить бусы, проводя пальцами по буквам своего имени.

– Ты сделала замечательный выбор, – говорит Сомер, указывая на бусы. – Прекрасное имя. Необычное. – Она едва не добавляет «как и ты сама», но останавливается. Эрика хотела сказать комплимент, но, возможно, получилось у нее не совсем то.

Девушка заливается краской.

– Маме больше понравилось бы имя Даниэль. Или Данни, как Данни Миноуг¹⁸. Она говорила, что было бы проще, если б имя изменилось совсем чуть-чуть. Но я *хотела* больших перемен. Хотела, чтобы все стало по-другому. – Теперь у нее на лице гордость. И вызов. – Вот почему я выбрала Фейт. Это имя говорит, кто я на самом деле.

– И во всем Оксфорде нет никого, кто знает правду? – спрашивает Эверетт. – Кто мог бы выбрать вас своей целью из-за вашего прошлого?

Фейт качает головой.

– Нет. Никого.

¹⁸ *Данни Миноуг* (наст. имя Даниэль Джейн Миноуг; р. 1971) – популярная австралийская певица, актриса, модель, младшая сестра еще более популярной Кайли Миноуг.

Констебли стараются не смотреть друг на друга, но обе думают одно и то же. Что, если нападавшего, как и всех прочих, убедила внешность Фейт? Или же он знал ее тайну и именно поэтому выбрал ее? В любом случае, понимает ли Фейт, какая опасность ей угрожала?

Однако лицо девушки отвечает на этот невысказанный вопрос. Она прекрасно все понимает. Она уже давно это поняла. Это реальность, с которой она прожила половину своей жизни.

– Вы можете рассказать нам, что произошло дальше? После того, о чем вы только что рассказали? – Даже Эв, которая уже много лет занимается этим и прошла специальный курс обучения, как вести себя с жертвами сексуальных преступлений, стыдливо бежит от прямого вопроса.

Фейт обвивает себя руками, туже кутаясь в свитер. Руки у нее трясутся.

– Фейт, он тебя обидел? – тихо спрашивает Сомер.

– Нет, этого не было, – та качает головой. – Но я думала, что мне будет плохо. Я почувствовала, как он подошел вплотную – я услышала его дыхание, – затем схватил меня за волосы, и стало очень больно; я почувствовала, как отрывается шиньон, и снова начала брыкаться, но тогда я почувствовала... нож... прижатый к коже... он провел им по моему животу... и...

Она снова плачет.

– Все в порядке, не торопись.

Девушка моргает, прогоняя слезы, вытирает глаза и поднимает взгляд. Губы у нее дрожат, но она не опускает голову.

– Я обмочилась, понимаете? Подумала, что он сделает мне больно... прямо там, внизу... и обмочилась.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

12:17

Алекс наливает мне стакан сока и опирается о столешницу. На тарелке в раковине остатки ее обеда. Салат с курицей: бурый рис, постные белки, сочная зелень – Алекс строго соблюдает диету. Но в тарелке осталось слишком много, и лицо у Алекс осунулось. Мне это не нравится.

– Патронажная сестра только что прислала сообщение, что задержится, так что если этот таинственный мистер Асанти придет вовремя, мы проскочим.

Сейчас Алекс подталкивает меня. Ей любопытно посмотреть на Асанти с тех самых пор, как я впервые упомянул о нем.

– Никакой он не *таинственный*, Алекс. Просто прочитать его совсем непросто. Он совсем не похож на Гислингхэма...

Алекс широко улыбается – Гис ей очень нравится.

– Или на Куинна.

Теперь она морщится.

– Слава богу! На наш маленький городок хватит и одного Куинна.

Я подхожу к чайнику, в настоящее время любимым напитком Алекс является зеленый чай с вишневыми листьями. Наверное, мы полностью обчищаем «Уэйтроуз»¹⁹.

– Я бы просто предпочел, чтобы никто с работы сейчас не приходил сюда. Я пока что еще никому не говорил... о ребенке.

Алекс косится на свой живот.

– Ладно, я постараюсь все время сидеть. – Она строит печальное лицо. – Остается только надеяться, что этот Асанти сыщик не ахти.

– Извини – я понимаю, это та еще головная боль, но он настоял на том, чтобы прийти...

Алекс протягивает руку и нежно трогает меня за щеку.

– Не переживай так. Я *пошутила*.

Когда звонят в дверь, Алекс уже свернулась клубком на диване со своим чаем. Она улыбается мне, когда я прохожу мимо, и кладет себе на колени подушку.

На пороге стоит Асанти. Под мышкой у него компьютер. Костюм с иголочки, белая сорочка, темно-красный шелковый галстук. Я вижу краешек этикетки – «Берберри»²⁰. Мне

¹⁹ «Уэйтроуз и партнеры» – сеть британских супермаркетов.

²⁰ «Берберри» – знаменитая марка люксовой одежды, обуви, аксессуаров и косметики. Известна в том числе фирменным клетчатым орнаментом в шотланд-

вдруг приходит в голову, что неприязнь Куинна – это по большей части лишь зависть щеголя.

Я отступаю в сторону, впуская Асанти, и он учтиво ждет, пока я закрою за ним дверь.

– Мы пройдем на кухню.

Когда проходим мимо Алекс, я упорно отказываюсь смотреть на нее, но улавливаю некоторое замешательство в шагах идущего за мной Асанти, после чего он говорит:

– Прошу прощения за то, что помешал вам.

– Такая уж у вас работа, – говорит Алекс, и я слышу в ее голосе смех.

На кухне Асанти отказывается от чая, но соглашается на воду, и я ловлю себя на том, что достаю из холодильника бутылку, вместо того чтобы просто налить из-под крана. Подозреваю, Асанти часто оказывает на людей подобное действие.

Он ставит компьютер на стол, и на экране появляется та же самая заводская заставка, что сохранилась и на моем. У Гислингхэма его маленький сын в матроске; у Эв ее кот; у Куинна какой-то тропический пляж, на котором, как ему хочется нас убедить, он бывал. Но у Асанти компьютер подчеркнуто безликий. Еще один пункт в мое мысленное досье.

Асанти пододвигает табурет, и внезапно до меня доходит, что я оставил на столе распечатку ультразвукового анализа, всего в каких-нибудь трех шагах от того места, где он устра-

ивается. Я поспешно хватаю распечатку и убираю ее в задний карман. Если Асанти и замечает что-либо, то не подает вида.

Закончив стучать по клавишам, он разворачивает компьютер ко мне. Мне требуется несколько минут, чтобы понять, что я вижу. Но когда до меня наконец доходит, то осознание похоже на удар стальным прутком по горлу.

* * *

К тому времени как они приезжают на место, ветер снова усиливается. Эверетт оборачивается и смотрит на девушку. Та сидит сзади, уставившись в окно. Она согласилась приехать, однако теперь, когда они здесь, она уже сомневается в том, что поступила правильно. Однако, по крайней мере, здесь почти никого нет; середина дня, и огороды вдоль Марстон-Ферри-роуд пустынные. Единственным признаком жизни, который видит Эв, являются двое пожилых мужчин в практически одинаковых шапках и свитерах, сидящих с термосом и сигаретами на скамейке у мусорного контейнера.

– Фейт, вы не передумали? – спрашивает она.

– Все в порядке, – поспешно отвечает девушка, распахивая дверь. – Давайте только закончим все побыстрее, пока мама не вернулась, чтобы мне не пришлось объяснять, где я была.

Сомер тем временем вышла из машины и осматривает землю. В нескольких ярдах отчетливые следы покрышек:

кто-то быстро тронулся с места. И совсем недавно. Эрика смотрит на тучи – им повезло, что следы все еще на месте, и им потребуется немного везения, чтобы они продержались чуть дольше: криминалисты должны успеть зафиксировать следы до того, как снова начнется дождь. Сомер достаёт телефон и отходит в сторону, чтобы позвонить Алану Чаллоу. Земля вокруг покрыта красноватой грязью. Ту же самую грязь констебли обнаружили на туфлях, которые в настоящий момент лежат в багажнике машины, запечатанные в пакет для улики.

Фейт смотрит. На перевернутые тачки, на убогие сараи, на голую землю, на чахлые растения. Все выглядит или мертвым, или увядшим.

Внезапно девушка ежится. И ветер тут ни при чем.

– Кажется, я знаю, почему он меня отпустил. Я сейчас вспомнила – слышала сирену... я слышала сирену... она звучала все ближе и ближе. Тут он и ушел.

«Тогда это все объясняет», – думает Эверетт. Здесь, где поблизости нет никого, кто услышал бы и пришел на помощь, просто чудо, что нападавший не довел до конца начатое. Водитель машины чрезвычайной службы случайно оказался героем.

Сомер медленно возвращается к ним, у нее под сапожками хрустит гравий. Она кивком сообщает Эверетт: бригада криминалистов уже в пути.

– И что произошло после того, как вы слышали сирену? –

спрашивает Эв.

Фейт поворачивается к ней.

– Я услышала, как он открыл дверь сарая, потом через несколько минут – звук двигателя, и машина уехала. Быстро. Словно с пробуксовкой.

– А потом?

Фейт делает глубокий вдох.

– Я просто начала кричать в надежде на то, что кто-нибудь придет. Я не знала, где нахожусь, не знала, услышит меня кто-нибудь или нет.

Эрика старается не думать, каково это было – лежать здесь, с пакетом на голове, без нижнего белья; приступы паники при каждой попытке сделать судорожный вдох...

– Он был надет не так плотно, – говорит девушка, угадывая ее мысли. Пакет. Она кусает губу. – Я потом думала и решила, что он на самом деле не хотел моей смерти. Раз не стал затягивать пакет.

«А может быть, он просто не хотел, чтобы все закончилось слишком быстро», – думает Эв. Она ловит себя на том, что до боли стиснула зубы. Им во что бы то ни стало нужно найти этого подонка, и как можно быстрее.

– Как вам удалось выбраться отсюда?

– Я каталась по земле, и в конце концов пакет сполз с головы. Тогда я поняла, что нахожусь в сарае. Там был садовый инструмент и всякий инвентарь. Я огляделась по сторонам и нашла секатор. Прижала его к скамейке и попыталась раз-

резать веревки, но все время его роняла. Мне потребовалась целая вечность.

– Какой это был сарай, Фейт? Вы можете нам показать?

– Вон тот, – говорит девушка, протягивая руку. – Там. Тот, рядом с которым стоит тачка.

– Что насчет пакета – вы не знаете, куда он подевался?

– Наверное, все еще там – я его не брала. Пакет из универмага «Теско». Если это вам поможет.

Сомер надевает перчатки и направляется к сараю.

– Нам необходимо обеспечить сохранность места преступления, – объясняет Эверетт. – Там могут быть образцы ДНК. И отпечатки пальцев.

– Кажется, он был в перчатках, – угрюмо произносит Фейт. – Руки у него на ощупь были какими-то пластиковыми.

– Вы имеете в виду резиновые перчатки, такие, как для мытья посуды?

Девушка качает головой.

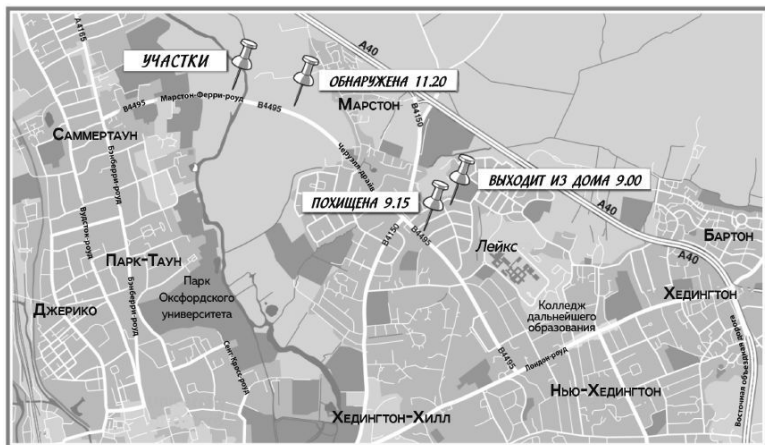
– Нет, более толстые. Большие. Может быть, садовые перчатки... – Она вздыхает. – Так что никаких отпечатков пальцев не будет, да?

– Он непременно где-нибудь допустил ошибку, просто не надо спешить. И мы его обязательно поймаем.

– Я все надеялась, что кто-нибудь придет, – тихо произносит девушка. – Но никто не пришел. Никто ведь никогда не приходит, правда? Когда это необходимо. Когда действи-

тельно нужна помощь.

* * *

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

14:05

Когда я возвращаюсь в оперативный штаб, на доске висит

карта. Кнопки обозначают места, где Фейт живет, где ее похитили, где ее обнаружили. Без слов, но все понятно.

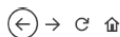
Асанти молча сидит за своим столом. Я попросил его ничего не говорить до моего возвращения, до тех пор пока здесь не соберется вся команда. Но теперь все здесь.

Я киваю Асанти, и тот поднимается на ноги.

– Так, пожалуйста, прошу всеобщего внимания. Нам нужно кое-что посмотреть.

Все поднимают взгляд, отмечают, что констебль подключает свой планшет к проектору. Эв любопытно, Бакстер настроен скептически, Куинн откровенно раздражен и практически не пытается это скрыть.

Асанти включает экран и переходит к нужной страничке. Я не смотрю на нее, в этом нет необходимости. Я ее уже видел. Но я смотрю, как меняются лица присутствующих по мере того, как они осознают, что перед ними.

<https://groopz.com/incelsolidarity/>

Видели по телику эту сучку? – еще одна подстилка
поимела по полной
размещено 2 дня назад **supremegentleman89**
17 комментариев

Хороший фемоид²¹ – мертвый фемоид. Сперва

²¹ Презрительное обозначение лиц женского пола.

раздвигает ноги затем говорит нет – вот что я имею в виду

размещено 2 дня назад **suckingthatblackpill**
10 комментариев

Нам нужно навести ужас на этих шлюх – и я имею в виду кислоту в рожу, твою мать

ТЕРРОРИЗИРОВАТЬ долбанных бл...ей
размещено 1 день назад **justyouraveragecumpanzee**
35 комментариев

Эта гребаная игра нечестная с самого начала – 20 % Чедов получают 80 % секса

размещено 1 день назад **proudtobeauknowot**
24 комментария

Не скажи мужик – все эти шлюхи и фемонацистки мечтают чтобы их отымили. И мы оказываем им любезность

размещено 17 часов назад **furiousmadomegger**
22 комментария

А еще хуже долбанные мужебабы – они получают по заслугам

размещено 16 часов назад **downwiththegynocracy**
35 комментариев

Без шуток – мой кореш подцепил классную телку но обнаружил у нее член ☺

– Проклятье, откуда ты знаешь все это? – спрашивает Гиблингхэм. Он с трудом верит своим глазам, и я вас уверяю, не он один.

Асанти пожимает плечами.

– В прошлом году у нас в Брикстоне был один случай. Двадцатитрехлетняя женщина подверглась нападению парня, который пригласил ее на свидание и получил отказ. Это был одиночка, одержимый компьютерными играми, – сами знаете таких. Как выяснилось, потом он на протяжении нескольких недель преследовал ее, вживую и в Сети, и когда мы проверили его компьютер, оказалось, что он был активным участником всех форумов инцелов. Я занимался этим делом, поэтому кое-что узнал о них. Вот как я это обнаружил – я знал, где искать.

Куинн бросает на него взгляд, красноречиво говорящий: «Тоже мне умник», а я бросаю на Куинна взгляд, красноречиво говорящий: «И что тут плохого?»

Тем временем Бакстер хмурится. До сих пор Интернет оставался его безраздельной вотчиной, и он определенно недоволен этим внезапным вторжением.

²² Название форума переводится как «Солидарность инцелов»; про инцелов см. ниже по тексту. Говорящие ники некоторых пользователей можно перевести как «джентльмен высшей пробы», «соси черный шест», «среднестатистическая обезьяна», «горжусь, что я самизнаекто», «разъяренный бешеный мексониггер», «долгой женовластие».

– Если можно, что такое «инцел»? – спрашивает он.

– «Воздерживающийся поневоле»²³, – отвечает Асанти. –

Это мужчины, которые не могут получить достаточно секса – или вообще не получают секса – и винят женщин в том, что те им его не дают. А также они ненавидят мужчин-мачо, получающих больше, чем положено. Вот что имел в виду тип с этого форума. Инцелы называют таких мужчин «Чедами».

При этих словах Куинн заливается краской, но я подозреваю, что если в столовой его начнут называть Чедом, он не станет особо жаловаться.

– И разумеется, их собственные жалкие шовинистические закидоны тут совершенно ни при чем, – ядовито замечает Эв.

Ее слова вызывают жидкие натянутые смешки, однако лицо Асанти остается каменным.

– Это уже выходит за рамки обыкновенной половой дискриминации. – Он указывает на экран. – Вот пример того, что там происходит, и, поверьте, если знать, где искать, можно найти кое-что похуже. Провайдеры постоянно закрывают подобные сайты, но те открываются где-нибудь в другом месте.

– Ну как можно не любить Интернет, – с горечью произносит Сомер. – Он помогает психопатам находить новых друзей.

– На самом деле все гораздо хуже, – говорит Асанти, вы-

²³ По-английски: incel – involuntary celibate.

держав ее взгляд. – Наш нападавший в Брикстоне – он не просто безобидно изливал душу другим неудачникам. Как и во всех других видах радикальных движений, эти люди заводят друг друга. Каждый последующий круг ответов становится все более разъяренным и жестоким. До тех пор пока однажды этот парень не плеснул девушке в лицо хлоркой, после того как один из его дружков в Сети посоветовал ему: «Сожги эту урну для спермы – посмотрим, кто захочет ее трахать, если у нее не будет рожи».

Сомер бледнеет, Эверетт вскидывает руку к губам. Обе молчат, но им и не нужно ничего говорить.

– И почему ты думаешь, что наш человек причастен к этой мерзости? – говорит Куинн. – Я хочу сказать, это отвратительно и все такое, – поспешно добавляет он, – тут никаких споров. Но сброд, который растрчивает свою жизнь на подобных форумах, – пустые трепачи. Тот рассказ про «кореша» – это же полная брехня. Вовсе не значит, что он *действительно* что-то сделал...

– О, не знаю, – мрачно говорит Бакстер. – Мне это подозрительно напоминает «попроси друга».

Асанти поворачивается к нему.

– Я видел по крайней мере одну переписку инцелов о том, чтобы похитить женщину и держать ее в неволе, чтобы насиловать и истязать. Сразу же говорю вам: нет, этот человек на самом деле ничего не сделал, однако граница между фантазиями и их воплощением очень тонкая.

Куинн закатывает глаза. Он определенно считает, что граница между хорошо осведомленным коллегой и заносчивым выскочкой-всезнайкой также очень тонкая.

– Так почему ты считаешь, что это совершенно другое дело? – спрашивает Гислингхэм.

– В том-то все дело, – поспешно говорит Куинн. – Даже если этот задрот и сделал что-то, каковы шансы того, что это была Фейт? Это мог быть абсолютно кто угодно, черт возьми. Мы даже не знаем, где живут эти недоноски...

– Посмотрите на ник последнего пользователя, – тихо говорит Сомер.

Все смотрят на нее, затем на экран.

– Что, на этот YeltobYob? – говорит Куинн, так ничего и не поняв.

Бакстер оборачивается к Сомер.

– Это же просто имя, разве не так? Ну, как у того типа с Би-би-си, как там его...

– Алан Йентоб²⁴, – подсказывает Эверетт. – Это не одно и то же.

Но Сомер качает головой.

– Это вообще не имя, – говорит она. – Его нужно читать задом наперед. «Yob» – это «boy», «мальчик». А «Yeltob» – «Botley», «Ботли», оксфордское местечко.

²⁴ Алан Йентоб (р. 1947) – один из членов высшего руководства Би-би-си, ныне в отставке.

В саммертаунской средней школе звонит звонок, возвещающая об окончании урока. В классе рисования вдоль длинного стола, проходящего под окнами, ученики скатывают листы бумаги и убирают краски и кисточки. На улице по серому небу несутся низкие тучи.

Учитель останавливается за спиной у Саши Блейк. Та, похоже, не слышала звонок. А если и слышала, то, в отличие от своих одноклассников, не торопится успеть на следующий урок. Откинувшись назад, она изучает свой натюрморт акварелью, написанный с композиции, размещенной на столе посреди класса. Белая фарфоровая миска со сливами и лимонами и бледно-голубая ваза с веткой форзиции. С краю листа Саша оставила мазки различных оттенков пурпура. Красно-вато-лиловые, синевато-бордовые; ни один из них не совпал с цветом фруктов, лежащих в миске и веткой.

– А у тебя неплохо получается, Саша, – говорит учитель.

Ему лет тридцать семь, соломенные волосы слегка начинают редеть, на клетчатой фланели рубашки катышки от долгой носки. Обручального кольца нет.

– У тебя хороший глаз. Тебе следует подумать о том, чтобы сдать экзамен по второму уровню сложности.

Наконец Саша оборачивается и поднимает на него взгляд.

– Есть одна книжица, которая может тебе понравиться, –

неуверенно начинает учитель. – «Натюрморт» А. С. Байата – там есть замечательное место о том, как точно передать цвет слив, как запечатлеть то, что они буквально светятся. Если честно, на самом деле я именно поэтому составил такую композицию...

Он уже собирался перейти к делу, но тут одна из двух девушек, задержавшихся у дверей класса, произносит:

– Во имя всего святого, Саша! Шевелись же!

Саша оборачивается и поспешно встает. Она протягивает руку за сумкой, и ее длинный темный хвостик падает вперед на плечо.

– Простите-простите-простите! – кричит она своим друзьям и быстро собирает вещи. – Просто немного отвлеклась!

– Ну да, – усмехается вторая девушка, – как будто раньше *этого* никогда не случалось.

Саша улыбается и закидывает сумку на плечо, бросив на учителя, все еще стоящего за ее стулом, взгляд, наполненный наполовину извинением, наполовину облегчением. За девушками с грохотом захлопывается дверь, но учитель еще слышит их голоса, удаляющиеся по коридору.

– Что, Прыщавый Скотти *действительно* тогда приставал к тебе?

– Ну, это же... это же мерзость! Только представь себе, что он тебя *целует*!

– Да он *полный* урод!

Учитель стоит на месте, щеки у него горят, кулаки стиснуты, а дерзкий молодой смех постепенно затихает вдали.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

14:35

– Ну хорошо, – говорит Куинн, – этот ник *может* означать, что наш тип в Оксфорде. Но *точно* мы этого не знаем. Начнем с того, что наверняка есть и другие места с названием Ботли, так?

– Я нашел еще два, – ровным голосом отвечает Асанти. – Есть деревушка с таким названием недалеко от Чешэма в графстве Бэкингемшир и еще одна в Гемпшире.

Я замечаю, как Сомер вздрагивает, и тогда вспоминаю: ее новый кавалер служит в полиции Гемпшира.

– Вот именно, – говорит Куинн. – Так что с самого начала шансы два к одному. Но даже если это оксфордский Ботли, мы не знаем, *когда* это произошло, – даже не знаем, произошло ли это *вообще*.

Асанти склоняется над столом и нажимает клавишу. Теперь на экране видны комментарии к последнему сообщению.

– Блин, – бормочет Гислингхэм. – Блин!

На участках земли, выделенных под огороды, снова начинается дождь. Нина Мукерджи ставит микроавтобус экспертно-криминалистического отдела в дальнем конце стоянки и какое-то время сидит, изучая место. Цепочка компостных куч, доска объявлений с листками, предлагающими саженцы и подержанный садовый инвентарь, мусорные контейнеры с битым кирпичом и кусками шифера. Нина уже столько времени занимается своим ремеслом, что рассматривает любое место как место преступления. Отпечатки пальцев, подтеки, кусочки отшелушившейся кожи, шарики пыли. Особенно мучительно ужинать в гостях: единственная кухня, которая действительно выглядит чистой, – это ее собственная.

Нина открывает дверь и берет с соседнего сиденья свой чемодан. В нескольких ярдах у сарая, за белой с синим лентой, огораживающей место преступления, она видит Клайва Конвея. Лента треплется на ветру, а Клайв поднес руку к голове, чтобы удержать капюшон. Нина надевает мешковатый защитный костюм, после чего так быстро, как только можно в нем, идет к ожидающемуся Клайву. Из криминального отдела никого нет, здесь только двое полицейских в форме, переминающихся с ноги на ногу, чтобы согреться. Нина гадает, кому поручат это дело, – может быть, Тони Асанти. Какое-то время назад они выяснили, что у них есть общие дру-

зья в Мет, и с тех пор Тони два-три раза угощал ее кофе. Нина не может решить: то ли это простая любезность, то ли он действительно заинтересован. И если верно второе, заинтересуется ли она сама. Нине уже приходилось видеть, к каким неприятностям приводят служебные романы, и она предпочитает сохранять и эту сторону своей жизни в чистоте.

Когда Нина подходит к Клайву, тот не говорит ни слова и лишь распахивает дверь, приглашая ее заглянуть внутрь. Когда Нина была маленькой, у ее дяди был сарай примерно таких же размеров – она помнит окна, затянутые паутиной и липкие от выделений, оставленных слизнями, на полках в полном беспорядке ржавые железяки, запах затхлый, заплесневелый, отдающий дохлыми насекомыми. Но этот сарай совершенно другой. Он такой опрятный, что в нем можно жить – ну, почти. На полках – ровными рядами лейки и пластмассовые горшки для саженцев, лопаты и вилы висят каждая на своем крючке, на столе два мешка семенной картошки и ровные ряды наполненных землей поддонов для рассады с маленькими белыми картонками с подписями и виднеющимися тут и там крошечными зелеными былинками. Пол подметен, даже в углах, однако темное пятно посередине говорит о другом. Как и запах.

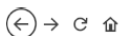
– По-моему, нет никаких сомнений, что это моча. – Клайв опускается на корточки и показывает. – Я также обнаружил волосы. Но без луковиц, насколько я вижу. Больше того, я уверен, что на поверку они окажутся париком.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

14:43

https://groopz.com/incelsolidarity/

Без шуток – мой кореш подцепил классную телку но обнаружил у нее член ☺

размещено 9 часов назад **YeltobYob**

6 комментариев

Серьезно? Что там произошло?

размещено 9 часов назад **downwiththegenocracy**

Без балды. Он говорит, по виду этого не понять. Действительно классная. Сиськи, попка и все ост. До тех пор пока он не стащил с нее трусики, твою мать ☺

размещено 9 часов назад **YeltobYob**

Моб твою ять – эти девки с членами хуже всего, блин. Все такие оттрахай мол меня, а дырки куда засунуть нет размещено 8 часов назад **letscutthecrappeople7755**

Ты абсолютно прав дружище, твою мать. Мой кореш

сказал, что ему следовало сообразить что-то не так когда ее волосы остались у него в руке. Это был лишь долбаный ПАРИК, вот так

размещено 8 часов назад **YeltobYob**

☺ ☺ ☺ сиськи тоже были накладные?

размещено 7 часов назад **KHHVandsowhat88**

Ну и дрянь! Надеюсь он хотя бы заставил ее отсосать

размещено 7 часов назад **suoremegentleman89**

Не получилось. В любом случае кому захочется ободрать себе член щетиной, твою мать. Эти сиськобороды хуже всего

размещено 6 часов назад **YeltobYob**

Кто-то сзади бормочет: «Больные ублюдки», Бакстер качает головой, лицо Гислингхэма стало твердым. В этой работе они всего насмотрелись, однако воспринимать подобную мерзость легче от этого не стало.

– Он прав насчет парика, – говорит Сомер, нарушая молчание. – Мы сами только что это выяснили.

– Но если сделать шаг назад, на самом деле это ничего не доказывает, ведь так? – говорит Гислингхэм. – Как правильно заметил Куинн, этот подонок мог просто насочинять все это, чтобы произвести впечатление на остальных подонков, а додуматься до такого проще простого. Я хочу сказать, многие девушки-трансгендеры носят парики. Но даже если он

прав, все равно для случайного совпадения это чересчур. А вы знаете, как я отношусь к случайным совпадениям.

Асанти обводит взглядом присутствующих.

– Теперь вы видите, как все могло получиться: если этот тип похищает ее прямо на улице, не зная, *что* она на самом деле...

Сомер бросает на него гневный взгляд.

– «*Что* она на самом деле»? Пожалуйста, скажи, что ты этого не говорил!

Асанти смущен. С его стороны это первая серьезная оплошность.

– Извините. Я имел в виду лишь ее физическое состояние, только и всего. Для инцела худшее издевательство – это когда своим полом бахвалятся, однако в сексе отказывают.

– Фейт собой не «бахвалится», – холодно замечает Эрика. – Наоборот, она *всеми силами* старается этого избежать. Я решаю вмешаться.

– Сомер, Фейт не говорила, в последнее время она ничего подозрительного не замечала? Никого, кто слонялся бы поблизости?

Сомер поворачивается ко мне и качает головой.

– Мы спрашивали у нее, но она сказала, что никого не было. По крайней мере, она ничего не заметила.

Однако только из того, что Фейт никого не заметила, еще не следует, что никого не было. Возможно, нападавший выслеживал ее на протяжении нескольких дней и выбрал имен-

но этот момент и именно это место, поскольку знал, что она проходит здесь примерно в одно и то же время. С другой стороны, нападавший мог просто остановиться у гаражей, чтобы курнуть, и тут случайно показалась Фейт.

Гислингхэм поворачивается к Асанти.

– Мы можем выйти на этого человека по его сообщениям, или я прошу слишком много?

Констебль колеблется.

– У интернет-провайдера, обеспечивающего доступ к форуму, должен храниться IP-адрес, с которого отправлялись эти сообщения, – будем надеяться, что провайдер находится в Великобритании...

– Итак, значит...

– ...Но как я уже объяснил инспектору Фаули, эти форумы не запрашивают не то что адрес электронной почты – даже имя. А наш подозреваемый наверняка выходил в Сеть через Wi-Fi общего доступа, не используя свой IP-адрес. Такие люди пользуются кафе, вокзалами, библиотеками...

– Это не *люди*, – перебивает Эверетт. – Это подонки. Низкие, мерзкие *подонки*.

Гислингхэм хмурится.

– То есть ты хочешь сказать, что мы не сможем на него выйти, даже если получим IP-адрес?

Асанти пожимает плечами.

– Если он находился в общественном месте, все будет зависеть от того, есть ли там камеры видеонаблюдения, но да-

же если они есть...

– Точно, – говорит Гислингхэм. – Так что нам нужно двигаться вперед, черт возьми, и получать ордер.

– Констебль Асанти также следит за этим форумом, – говорю я, – и YeltobYob не выходил в Сеть с тех самых пор, как разместил эти комментарии.

Асанти обводит взглядом собравшихся.

– Он редко общается на форуме, но я собираюсь проверить его предыдущую переписку – может быть, так удастся что-нибудь о нем разузнать. Для начала что-нибудь такое, что укажет, какой именно Ботли он имеет в виду. Но пока что это лишь желчный женоненавистник, изливающий свою злобу.

– Как насчет зарегистрированных преступлений на почве сексуальной ненависти? – спрашивает Бакстер. – Может быть, нам проверить все эти Ботли, вдруг что-нибудь всплывет?

– Уже сделано, – я качаю головой. – Никаких зацепок.

Наступает молчание.

– Тут дело не только в парике, – тихо произносит Сомер, глядя на экран. – Похоже, этому типу помешали. Как и тому, кто напал на Фейт.

Я поворачиваюсь к Бакстеру.

– Удалось проследить машину спецслужб, которую услышала Фейт?

Тот кивает.

– Это была патрульная машина, сэр. Поступило сообщение об ограблении на Хедингтон-Хай-стрит, и машина застряла на Марстон-Ферри-роуд, где ведутся дорожные работы.

– Но полицейские не заметили, чтобы кто-либо покидал огороды? Никаких подозрительных фургонов?

– Сожалею, сэр. Я разговаривал с этими двумя ребятами, и они ничего не видели. Но я запросил записи с камеры контроля скоростного режима и с камеры видеонаблюдения с заправки на перекрестке с Черуэлл-драйв. А если этот тип уехал в противоположном направлении, он должен был проехать мимо саммертаунской школы, так что его могла заснять видеокамера школы.

– На месте работают Чаллоу и бригада криминалистов, – поспешно говорит Гис. – У нас уже есть куски провода, которыми была связана Фейт, и пластиковый пакет. Также мы опросим тех, кто проживает рядом с тем местом, где она была похищена. Как знать, может быть, кто-нибудь что-то видел...

И не потрудился сообщить о том, что на улице прямо у него под носом была похищена девушка? Слабая надежда. Но в нашем ремесле есть определенные действия, которые нужно выполнить обязательно, и это одно из них.

– И еще также остается вопрос сумочки Фейт, – продолжает Сомер. – Вчера вечером ее мать прошла мимо гаражей и нашла ее засунутой в урну. Разумеется, все ценное пропа-

ло. – Она вздыхает. – Криминалисты проверят сумочку, но, вероятно, нападавший просто оставил ее там, где она упала, а затем кто-то ее подобрал и присвоил деньги и телефон. Однако телефоном с тех пор никто не пользовался. Так что от GPS также никакого толка не будет. Еще один тупик.

– Что насчет самой Фейт?

Сомер корчит гримасу.

– Она не горит желанием подвергнуться обследованию, сэр, по очевидным причинам, – и в любом случае она минимум дважды побывала в душе перед тем, как мы с ней встретились...

– Но что насчет ее одежды? Там может быть слюна... ДНК...

Сомер качает головой.

– Фейт бросила все в стирку. Такая реакция совершенно естественна, однако наша работа многократно усложняется. Единственное, что у нас есть, это ее обувь. Мы ее проверим, но, подозреваю, надежды очень мало.

* * *

Протокол допроса Джеки Даймонд, произведенного
по адресу Райдал-уэй, дом 35, г. Оксфорд

2 апреля 2018 года, 16:15

Допрос провела детектив-констебль В. Эверетт

Дж. Д.: Даже не представляю, что вам сказать, я почти не знаю Эпплфордов.

В.Э.: Мы опрашиваем всех соседей, миссис Даймонд. Иногда люди сами не сознают, как много всего замечают.

Дж. Д.: Вы насчет утра в понедельник, да? Меня даже дома тогда не было.

В.Э.: Да, вы уже говорили это. Но меня больше интересует, не замечали ли вы в последние две недели что-нибудь необычное?

Дж. Д.: В каком смысле необычное?

В.Э.: Ну, может быть, здесь бродил кто-то незнакомый? Кто-нибудь расспрашивал вас про Эпплфордов? Заглядывал в их дом? Быть может, кто-то сидел в припаркованном фургоне?

Дж. Д.: Сожалею, деточка. Если бы здесь кто-нибудь шатался, я непременно сказала бы Диане.

В.Э.: Кажется, вы говорили, что почти незнакомы с ними?

Дж. Д.: Верно. Но она совсем одна, да. Совсем как я. Нет мужика, на которого можно опереться. Если б я заметила здесь какого-нибудь извращенца, то обязательно сказала бы ей.

В.Э.: Вы знаете девочек – Фейт и Надин?

Дж. Д.: Не то чтобы знаю... Мои чуточку помладше, поэтому они почти не пересекаются, если вы понимаете, что я хочу сказать. Фейт всегда очень вежливая. Улыбается и здоровается. И выглядит всегда очаровательно. Мне бы хотелось, чтобы моя Элейн

больше следила за собой, но вы знаете, каковы подростки.

В.Э.: А Надин?

Дж. Д.: Если честно, не могу сказать, что я много с ней общалась. Голова всегда опущена. Сутулится. Не подает себя в лучшем виде, понимаете? Должно быть, ей нелегко, вы согласны – ее сестра такая привлекательная, в то время как сама Надин...

В.Э.: На самом деле у меня сложилось ощущение, что сестры близки между собой...

Дж. Д.: Я хочу сказать – внешность у нее не ахти, ведь так?

* * *

К половине пятого вечера Эндрю Бакстер уже больше часа просматривал записи камер видеонаблюдения. На экране перед ним машины проезжают мимо заправки. Пока что он разглядел в плотном потоке родителей, везущих своих детей в школу, шесть фургонов, а также прицеп для перевозки лошадей, винтажный «Харли-Дэвидсон» (Бакстер дважды перематывал запись назад, просто чтобы насладиться им), два грузовика странствующего цирка и несколько внедорожников с молоденькими симпатичными мамашами. Вероятность того, что этот тип попал в объектив, на взгляд Бакстера, ничтожна, но даже если он и есть на записи, как, черт возьми, можно его узнать? Это совершенно бессмысленная тра-

та времени, блин. Бакстер отодвигает кресло и встает, чувствуя в затылке разрастающуюся головную боль. Он приходит к выводу, что виной этому недостаток сахара в крови. В таких вопросах лучше перебдеть, чем недобдеть. К счастью, до автомата с выпечкой всего несколько ярдов по коридору.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

17:25

– Берите стул – если найдете.

Я в кабинете Брайана Гоу. Точнее говоря, в его временном кабинете, поскольку в здании ремонт и отделение психологии ютится в нескольких свободных комнатах отделения физиологии растений. Это внушительное здание пятидесятих годов на Саут-Паркс-роуд с соответствующей отделкой и фурнитурой – деревянная обивка стен, паркетные полы, редкие образчики растительного мира за стеклянными витринами. Впрочем, у большинства сидящих в горшках живых экземпляров такой вид, будто им не помешал бы обильный полив и немного старой, доброй, нежной, любящей заботы.

Судя по книгам, громоздящимся на единственном свободном стуле, нынешний сосед Гоу – эксперт в области психолингвистики, чем бы это ни было, черт возьми. Когда я

был здесь в прошлый раз, Гоу не переставал заверять меня, что это всего на несколько месяцев и он ничего не имеет против того, чтобы делить с кем-то кабинет, но меня он не обманет. По-моему, для человека нет ничего более естественного, чем стремление иметь свое личное пространство. И даже профессиональные психологи не могут убедить себя в обратном.

– Хотел прокрутить вам кое-что, – говорю я. – В понедельник на Черуэлл-драйв была похищена восемнадцатилетняя девушка. Мне нужно знать, кого нам искать.

Гоу поднимает брови, затем снова садится и соединяет вместе кончики пальцев.

– Хорошо. Выкладывайте.

Мне требуется добрых пять минут, чтобы рассказать ему все, но он начинает хмуриться задолго до того, как я закончил. И хмурится еще сильнее, когда я протягиваю ему распечатку форума инцелов.

– И тут нет никаких намеков на то, – наконец говорит Гоу, – что это был кто-то из тех, кого девушка знает?

Я качаю головой.

– Как бы мне ни хотелось получить этот ответ...

– Или кто-то, знающий о ее смене пола?

– Опять же, мы ищем, но пока что мы не нашли никого, кроме ближайших родственников, кому это известно.

Гоу стучит пальцем по распечатке.

– Значит, вы хотите понять, может ли это быть тот, кто

вам нужен.

– А если это не он, то кто.

Гоу встает и, обойдя вокруг письменного стола, подходит к картонным коробкам, нагроможденным друг на друга на столике под окном. Судя по всему, он уложил их гораздо лучше, чем это смог бы я, поскольку ему требуется совсем немного времени, чтобы найти то, что нужно.

– Самые основы, как раз то, что подойдет для неспециалиста, – говорит Гоу, бросая на стол передо мной одну книгу.

«Профили преступлений на сексуальной почве: теория, исследования и практика в области криминальной психологии». Автор – американец, если можно судить о таких вещах по имени.

– И что это должно мне сказать?

Гоу снова садится на свое место.

– Многое из того, что вы уже знаете. Преступления подобного рода – это в первую очередь вопрос власти. Власти и страха. Этот человек хочет доминировать, и он хочет терроризировать. А сексуальное насилие – лишь средство достижения цели.

– Даже несмотря на то, что все форумы инцелов посвящены сексу?

– Они посвящены *отсутствию* секса, – поправляет Гоу, глядя мне прямо в лицо. – И тому, чего такое отсутствие лишает этих людей: статуса, самоуважения, независимости.

Сексуальные насилия как попытка вернуть контроль. Бо-

же милосердный!

– В таком случае, какой типаж нам нужно искать?

– Боюсь, все до нудного предсказуемо. Практически наверняка белый мужчина, скорее, ближе к среднему классу. Интеллектуальные способности по крайней мере средние, возможно, даже чуть выше. – Он берет распечатку. – Он использует такие просторечия, как «кореш», но абсолютно грамотно пишет слово «действительно» и расставляет запятые, где надо. Ему нравится игра слов – «YeltobYob», «сисько-борода»; когда имеешь дело с преступлениями такого рода, подобная лингвистическая ловкость указывает на хорошее образование. – Гоу откладывает распечатку. – Мое предположение: у этого типа есть постоянная работа, однако он ее, скорее всего, считает «недостаточно хорошей» для себя. Возможно, женщина-начальник, которая не продвигает его по службе и не «ценит». По всей вероятности, он живет один и практически наверняка пытается установить какие-нибудь долгосрочные серьезные отношения с женщинами.

Классический неудачник-одиночка. Только этого мне не хватало, блин...

Теперь Гоу смотрит на меня.

– Очень красноречивым является использование в нике «уоб»²⁵. На первый взгляд типичная небрежная грубость в духе «мужчин, ведущих себя плохо», однако я подозреваю, что порождена она глубоким, пусть и не признанным, пре-

²⁵ Англ. uob – подонок, отморозок.

зрением к самому себе.

– Возраст?

– Несмотря на указание «boy», я думаю, ему скорее за тридцать, а то и за сорок. – Он кивает на книгу. – Почитайте ее. Уверен, она вас захватит.

– А то обстоятельство, что нападение оказалось неудачным, – какие это может иметь последствия?

Гоу вопросительно поднимает бровь.

– Неудачным в каком смысле – в том, что оно было сорвано, или в том, что было расстроено?

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. – В обоих.

Он вздыхает. Его лицо мрачнеет.

– Боюсь, это может изрядно усугубить ситуацию. Наш тип был так близок к тому, чтобы получить желаемое, но в самую последнюю минуту желаемое увели у него прямо из-под носа... Теперь он озлоблен. И будет действовать гораздо более решительно.

Я поднимаюсь на ноги. Я уже понимал, с чем мы столкнулись, но теперь у меня в груди неприятный холод, которого раньше не было.

Когда я подхожу к двери, Гоу окликает меня:

– И еще один момент, как сказал бы лейтенант Коломбо. Я бы поручил неизменно надежному Бакстеру изучить схожие преступления. Нисколько не удивлюсь, если окажется, что наш тип в прошлом уже совершал нечто подобное.

Грэм Скотт гасит свет в классе рисования и сует руку в карман за ключами, затем вспоминает, что забыл выключить проклятый компьютер и ему нужно вернуться. Когда он через пять минут наконец запирает дверь, у него над головой в коридоре по-прежнему мигает лампа дневного света. Она мигает уже по крайней мере целый месяц, а школьный сторож до сих пор не удосужился прийти и посмотреть, в чем дело. Скотту не нужно напоминать о том, что рисование в неофициальной иерархии стоит гораздо ниже информационных технологий и работы со средствами массовой информации, и все-таки мало кому понравится, когда ему в лицо тычут его неполноценностью.

Скотт засовывает связку ключей обратно в карман и направляется на стоянку. Почти все ученики уже разошлись, лишь несколько человек ждут у ворот, когда их подвезут домой. Два мускулистых парня стоят рядом с группой девиц, среди которых, как только сейчас замечает Скотт, есть подруги Саши Блейк.

Скотт чувствует прильнувшую к лицу краску и мысленно благодарит Бога за то, что он слишком далеко и никто ничего не заметит. Подходит к своей машине, открывает заднюю дверь и начинает торопливо запихивать в салон свои вещи. Теперь он слышит смех, внезапный взрыв грубого хо-

хота. Возможно, это не имеет к нему никакого отношения – просто так случайно совпало, – но мания преследования уже вошла в привычку. Издевательства по поводу его одежды и машины, отвратительное обидное прозвище. Ему жутко не повезло, что его фамилия рифмуется со словом «прыщ»²⁶, но у всех юнцов, кто дразнит его, у самих лица в сплошных угрях. Ну, а что касается машины, если у них не хватает запчастков ума понять, что это классика, так это их проблемы. Вот только никуда от них не деться, потому что они опять издеваются над ним, прямо сейчас. Краем глаза Скотт видит парней – один делает вид, будто крутит ручку стартера, а другой издает громкие пердящие звуки. Девицы заливаются истерическим хохотом: Лия Уэддел на головокружительно высоких каблуках и Изабель Паркер, выкрасившая волосы в нелепый цвет. Скотт поражен тому, что директриса это терпит. И еще эта долбаная Патси Уэбб со своим придурочным именем²⁷. Чересчур умна, что рано или поздно непременно выйдет ей боком, мерзкая, мстительная корова. Скотту совсем не нравится, что Саша Блейк общается с Патси и ей подобными. Она достойна лучшего – у нее действительно есть талант, есть *потенциал*...

Скотт отодвигает в сторону коробку с красками, освобождая место для свернутых в трубку рисунков, захлопывает дверь и садится в машину. Какое-то время он сидит, стиснув

²⁶ По-английски spot.

²⁷ Patsy (англ.) – недотепа, простофиля.

в руке ключи, и мысленно молит Бога о том, чтобы чертова колымага завелась с первого раза.

* * *

– Меня зовут Джед Миллер, я из компании «Ачернар», обеспечивающей доступ к Интернету. Могу я поговорить с констеблем Энтони Асанти?

Асанти вздрагивает и садится прямо – вот оно, вот то, чего все ждали.

– Мой шеф сказал, что вам нужны от нас кое-какие метаданные, правильно? За вчерашний день?

– Совершенно верно.

– Я подготовил все, что вам нужно, хотя не очень понимаю, как это может пригодиться...

– Просто присылайте все, что у вас есть, мистер Миллер, а остальное – это уже наша забота.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

19:10

Уже перевалило за семь вечера, когда Гислингхэм нако-

нец засовывает голову в мой кабинет.

– Только что поговорил с командой, занимавшейся огородами, босс. По большому счету, ничего.

Так постоянно говорил Куинн в бытность свою сержантом; я надеюсь, Гислингхэм отучится от этой привычки до того, как мне придется бить его головой о стену.

– Похоже, наши ребята только разозлили кучу старичья, у кого уже больше нет ответов, чтобы увиливать от мытья посуды. – Он усмехается. – Полагаю, нам надлежит готовиться к искам о компенсациях за грядки петрушки, вытоптанные при исполнении служебного долга.

– Что насчет того сарая, в который отвели Фейт, – кому он принадлежит?

Гис достает записную книжку.

– Некоей особе по имени Чэн Чжэн Ли. – Он спотыкается на произношении, затем произносит по буквам. – Особого ума не требуется, чтобы догадаться, что она китаянка. Судя по всему, живет в Марстоне уже около тридцати лет и по крайней мере десять владеет огородом. По всем отзывам, очень добросовестная дамочка. Раньше приходила как часы каждый день утром и вечером с корзинкой, чтобы прополоть и полить свои грядки.

Я начинаю гадать, не нацелился ли Гис на то, чтобы тоже обзавестись собственным огородом, определенно, соответствующих слов он уже нахватался. Хотя, если судить по тому, что я слышал о его супруге, ее трудно будет предста-

вить с лейкой в руках.

– Что ты хотел сказать: «Раньше приходила»?

Гис морщится.

– В том-то все и дело. Последнее время она лежала в больнице. Перелом шейки бедра. Сейчас уже вернулась домой, но на огороде не появлялась уже недели две.

– А сарай – он был заперт?

Гис качает головой.

– Похоже, нет. Он был только закрыт на щеколду. Миссис Ли не держит в нем ничего ценного, и в любом случае она сказала, что владельцы огородов берут друг у друга инструмент. Это считается чем-то естественным. Среди огородников.

Значит, это также никуда нас не приведет. Замечательно. Просто замечательно, черт возьми.

– Что насчет форума инцелов?

– О, тут есть хорошая новость и есть плохая новость. Как выяснилось, наш «Yeltob» действительно пользовался общественным Wi-Fi, как и сказал Асанти. Во всех тех случаях, когда заходил на форум в течение последних нескольких недель, он подключался к Сети в одном и том же месте.

– Это какая новость, хорошая или плохая?

Гис корчит гримасу.

– Извините, босс. Это кафе «Старбакс» на окраине Саутгемптона.

Значит, это не наш человек.

Я шумно вздыхаю.

– Мы передали информацию полиции Гемпшира?

Потому что с этим дерьмом кому-нибудь, пусть и не нам, но обязательно нужно разобраться.

Гис кивает.

– Сомер позвонит своему другу – тот должен знать, кому это передать. Если в том «Старбаксе» есть видеонаблюдение, с высокой долей вероятности удастся сузить круг тех, кого искать.

* * *

Алекс Фаули в очередной раз быстро выглядывает на улицу, после чего снова задерживает занавески. Адама до сих пор нет. Алекс проходит к дивану и осторожно усаживается, чувствуя, как младенец ворочается, а затем успокаивается. Она старается не волноваться, старается вести себя как обычно, однако случаются дни, когда искушение забраться под одеяло и затаиться там становится практически неудержимым. Алекс договорила у себя на работе, что последние несколько месяцев будет работать удаленно, но сейчас даже собственный дом кажется ей минным полем – полосой препятствий из неодушевленных предметов, сговорившихся, чтобы ей навредить. Ковры, на которых можно поскользнуться, лестницы, с которых можно упасть. Алекс упорно убеждает Адама в том, что с ней все в порядке, общается с

ним в том же самом шутиливом тоне, выработанном за годы совместной жизни. Однако в то самое мгновение, как он выходит из дома, страх возвращается, и на протяжении всего дня Алекс парализована и буквально не может двигаться.

Она встает и снова подходит к окну. Но улица остается пустынной.

* * *

Вернувшись домой, Эрика Сомер долго стоит под душем. В этом деле есть нечто такое, что проникает ей под кожу, и она не может сказать, в чем дело. Ей приходилось встречаться с жертвами, которым досталось хуже, которые никак не меньше заслуживали сострадания. Однако она еще не имела дела с преступлением против трансвеститов. Эрика считала, что просвещена в подобных вопросах, способна понимать и сочувствовать – ну, разумеется, она так считала. Наверное, так думает каждый образованный человек. Но теперь Сомер понимает, что на самом деле все гораздо сложнее, гораздо тоньше. Даже Фаули, который ей очень нравится, которым она восхищается, который не жалеет сил, чтобы поддерживать ее в работе, и тот, похоже, чувствует себя не в своей тарелке. Ну а Джайлс? Сомер пытается убедить себя в том, что ее возлюбленный не женоненавистник, но как она может быть в этом уверена, если они еще так мало знакомы?

Когда Сомер возвращается в спальню, она видит на теле-

фоне сообщение от Джайлса с просьбой перезвонить. Понимает, что речь, скорее всего, о том кафе «Старбакс», и ей становится легко на сердце – и тотчас же это чувство меняется на противоположное, так как до нее доходит, каким же произвольным был этот прилив радости. Быть может, подсознание пытается о чем-то ее предупредить. Быть может, все на самом деле не так просто, как кажется.

* * *

Адам Фаули

3 апреля 2018 года

8:15

Восемь часов пятнадцать минут утра. Ночью температура опустилась ниже нуля, однако на станции центрального отопления апрель официально считается «весной», поэтому батареи отключены. Куинн намотал на шею шарф кривым узлом, который, похоже, сейчас считается *de rigueur*²⁸. Другие сидят в куртках. И очевидно, погода повлияла не только на то, что снаружи, но и на то, что внутри. Общее настроение стало жестче, холоднее. Лоб Эверетт пересекает глубокая складка, а Бакстер выставил подбородок вперед, что я уже не раз видел за эти годы.

²⁸ Общеобязательным (фр.).

Я рассказываю о том, что услышал от Гоу, и поворачиваюсь к Асанти: это я должен сделать при всех.

– Констебль Асанти отлично поработал по форуму инцелов. Пусть это и оказался не тот, кто нам нужен.

Асанти улыбается. Не слишком широко, потому что это выглядело бы самодовольством; не слишком сдержанно, поскольку он прекрасно понимает, что проделал чертовски хорошую работу, и не собирается допустить, чтобы это осталось недооцененным. Впрочем, возможно, я читаю в улыбке Асанти то, чего в ней нет, и он всегда улыбается в точности так же.

– Но ты все-таки продолжай присматривать за этими форумами, хорошо? На всякий случай, вдруг еще что-нибудь всплывет.

Сомер поднимает голову.

– Кстати, полиции Гемпшира удалось установить личность этого «YeltobYob». В «Старбаксе» есть камера видеонаблюдения, и на записи виден тип, который пользовался телефоном как раз в то время, когда отправлялись сообщения. И он расплатился карточкой, поэтому наши коллеги уверены, что это тот, кто им нужен. Ему собираются предъявить обвинение в преступлении на почве ненависти.

Атмосфера в кабинете немного поднимается: наконец у нас есть хоть какие-то результаты.

Я поворачиваюсь к Гислингхэму.

– Итак, что говорят криминалисты, обследовавшие огоро-

ды?

– Э... ну... на пакете есть два хороших отпечатка пальцев, – отвечает Гис, копаясь в своих записях. – А также пара частичных и несколько смазанных. Однако в базе данных ничего, то есть оставил их тот, с кем мы еще не имели дела.

– А ДНК?

– Несколько различных профилей. Совпадений с базой данных также нет – это мог быть кто угодно: продавщица, грузчик, экспедитор...

– И все-таки один из отпечатков может принадлежать тому, кто нам нужен?

Гис пожимает плечами.

– Ну да, такое возможно. Но лично я не представляю себе, как этот человек предпринял столько трудов, чтобы не проколоться, и забыл надеть перчатки, когда брал пакет.

Если честно, и я тоже не представляю. Однако в прошлом нас уже не раз спасала патологическая глупость преступников, так что такое может случиться снова.

– Также мы опросили всех жителей домов по соседству с гаражами, – продолжает Гис, – но, к сожалению, снова никаких результатов.

Бакстер поднимает взгляд.

– Камеры дорожного наблюдения на Марстон-Ферри-роуд, фиксирующие превышение скорости, также ничего не дали, поэтому я проверил камеры школы, на тот случай если наш тип повернул в ту сторону, но тут все глухо: дорогу с

этих камер не видно.

– Как насчет камеры на заправке?

– Да, ею я тоже занимался. В нужное нам время около десятка фургонов заправлялись или проезжали мимо...

– И?..

Бакстер корчит гримасу.

– Вся беда в том, что номерной знак можно рассмотреть лишь в том случае, если машина заезжает во двор. А по большей части это лишь самые обычные белые фургоны, не имеющие сбоку никаких характерных отметин. Да к тому же в половине случаев их закрывают чертовы автобусы.

– Ты проверил те номера, которые увидел?

Бакстер бросает на меня взгляд, красноречиво говорящий: «За кого вы меня принимаете?», и открывает записную книжку. Которой, в отличие от Куинна и Асанти, по-прежнему пользуется.

– Из тех, которые мы установили или по идентифицирующим признакам, или по номерам, мы имеем одного водопроводчика, трех строителей, две машины напрокат без водителей, одного слесаря, фирму по уничтожению домашних насекомых, чистку ковров и компанию по прокату велосипедов.

– Ох уж эти велосипеды напрокат! – ворчит Куинн. – Весь Джерико ими завален. Люди просто бросают их на тротуаре и уходят. Прямо беда какая-то!

Я стараюсь не обращать на него внимания и продолжаю

смотреть на Бакстера.

– И?..

– Человек из фирмы по уничтожению домашних насекомых ехал на вызов, – говорит тот, – как и водопроводчик. Двое строителей сообщили о всех своих передвижениях в тот день, и я проверил их показания по автоматической системе распознавания лиц. То же самое и про типа с великами. – Он закрывает записную книжку. – Вот что мне удалось установить на настоящий момент. По большей части пустая трата времени.

Я обвожу взглядом кабинет и вижу, что апатия Бакстера заразна. А этого ни в коем случае нельзя допустить.

– Сосредоточимся на арендованных машинах, – говорю я. Твердо. – Возможно, тот, кого мы ищем, берет машины напрокат. Чтобы не светиться.

– Да, пожалуй, – подумав, соглашается Бакстер. – Вполне возможно. Я этим займусь.

– Нет, – говорю я, глядя на Куинна, который возится со своим планшетом. – Это сделает констебль Куинн.

Тот только что не раскрывает рот от удивления.

– О, ну же, определенно с этим справится Асанти...

– Пожалуйста, просто сделай то, о чем я прошу.

Если в моем голосе и звучит волнение, на то есть причина. Мой телефон только что пискнул, извещая о поступившем на электронную почту сообщении. Оно от Алана Чаллоу, с пометкой «СРОЧНО». В нашем ремесле полно тех, кто на-

пускает на себя важность, помечая все «особо срочным», однако Алан Чаллоу не принадлежит к их числу.

Мы с ним знакомы уже целую вечность. Чаллоу начал работать в Управлении полиции долины Темзы²⁹ всего за полтора года до меня. Мы вели одни и те же дела, совершали одни и те же ошибки, были знакомы с одними и теми же людьми. За прошедшие годы я не раз приходил Чаллоу на помощь, и он оплачивал мне тем же. Хотя друзьями я бы нас не назвал, к тому же он получает чрезмерное удовольствие, заводя меня.

Однако в настоящий момент это серьезно. Я читаю сообщение, и на мгновение – всего на одно мгновение – у меня замирает сердце. Но я веду себя глупо. Это случайность – просто совпадение...

Куинн, наблюдающий за мной, хмурится. Он, как и все остальные, слышал сигнал телефона, видел, как я взглянул на него.

– Чудесно, – наконец говорит он. – Чудесно.

Гислингхэм бросает взгляд на Бакстера, затем на меня.

– Я также подумал, сэр, – медленно начинает он, – не пора ли нам выступить с обращением.

Я поднимаю голову.

– С каким еще обращением?

²⁹ Территориальное отделение полиции Великобритании в графствах Бэкингемшир, Беркшир и Оксфордшир. Штаб-квартира в поселке Кидлингтон вблизи Оксфорда.

Гислингхэм колеблется.

– Понимаете, лишь вопрос времени, когда это просочится. И тогда начнется – самая настоящая буря в «Твиттере». Так почему бы нам не действовать на опережение и не выступить с обращением, приглашая на помощь всех, кто обладает какой-либо информацией? Можно спросить у Харрисона...

– О чем именно спросить у него?

– Ну как же, не кажется ли ему, что будет полезно обращение по телевидению...

Я делаю глубокий вдох.

– Если мы объявим о том, что молодых женщин хватают прямо на улице и подвергают насилию, начнется паника, и язвительные замечания в «Твиттере» станут меньшей из наших бед. Я не собираюсь развязывать истерию по высшему разряду, если только мы не отвергнем начисто вероятность того, что имело место преступление на почве ненависти, совершенное тем, кто был знаком с Фейт. – Обвожу взглядом присутствующих, подчеркивая свои слова. – Итак, что у нас насчет ее подруг? Ее однокурсниц, круга знакомых?

Сомер вскидывает голову.

– На самом деле у Фейт нет друзей, сэр. Она очень замкнутая. Близких знакомых у нее мало.

– Должен быть *кто-то* – кто-то из тех, кого она оскорбила, у кого пунктик насчет трансвеститов...

У Сомер понурый вид.

– Мы искали, сэр, честное слово, искали. Но она и вправ-

ду никого к себе не подпускает. У нас сложился образ человека, который из кожи вон лезет, чтобы сохранить свою анонимность, который, словно одержимый, следит за тем, чтобы никого не задеть.

– Так с кем же вы говорили?

Сомер заливается краской.

– В основном с учителями Фейт. С ее однокурсниками нам приходилось разговаривать крайне туманно, поскольку она так старается сохранить в тайне свое положение...

– Вам известно не хуже меня, что ее положение и может быть той самой причиной, по которой она подверглась нападению. Черт возьми, как мы можем исключить такую возможность, если мы даже не можем о ней упомянуть, блин?

Сомер оглядывается на Эверетт. Я начинаю терять терпение.

– Послушайте, я не собираюсь просто так никого разоблачать, но разговор сейчас не об этом...

– Сэр, я дала Фейт слово, – перебивает меня Сомер, теперь уже пунцово-красная, однако она смотрит мне прямо в глаза, отстаивая свою позицию. – Я дала ей слово уважать ее личную жизнь.

Я пытаюсь сосчитать до десяти, но у меня получается дойти только до пяти.

– А если это случится снова, что тогда? Что, если нападению подвергнется какая-нибудь другая такая же несчастная девушка? И что, если в следующий раз подонку, который

это сделал, не помешают? Как вы объясните это ее близким? Как, по-вашему, они воспримут ваши слова о том, что нам было известно, что кто-то преследует подростков-трансвеститов, однако мы ни хрена не сделали по этому поводу, так как боялись задеть чьи-то чувства? Но это ведь не ты будешь объясняться с ними. Нет, это буду я. Как обычно, черт возьми. Так, извини, Сомер, но впредь тебе придется следить гораздо внимательнее за тем, что и кому ты обещаешь.

Я заставляю себя остановиться, я переигрываю и сознаю это. Я напирал слишком сильно, потому что вышел из себя. Потому что хочу, чтобы ответом была просто ненависть. Поскольку как это ни плохо, это лучше, чем...

– Я мог бы поработать с форумами противников трансвеститов, сэр, – ровным голосом предлагает Асанти. – Посмотреть, нет ли чего-либо особенного в наших краях – порыться в социальных сетях.

– Я уже искал, – поспешно говорит Бакстер, бросая на Асанти взгляд, красноречиво говорящий: «Не лезь на мою лужайку!» – Ничего существенного.

Я сверкаю на него взглядом.

– В таком случае поищи тщательнее. – Поворачиваюсь к Эверетт и Сомер. – А вы поговорите с ее подругами. И это не просьба. Это приказ.

* * *

Отправлено: ср. 03/04/2018, 08:35

Важность: высокая

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Кому: DIAdamFowley@ThamesValley.police.uk

Тема: СРОЧНО

Не указал номер дела по причинам, которые будут очевидны. Я только что получил известие из лаборатории – на обуви Фейт Эпплфорд обнаружили сульфат кальция, предположительно подцепленный в багажнике универсала. Совсем немного, но он есть.

Позвони мне, как только получишь это.

* * *

– Что там произошло, твою мать? – говорит Куинн, стараясь не повышать голос. Он только что присоединился к Эверетт и Гислингхэму, стоящим у кофейного автомата. Сомер рядом не видно. Асанти стоит в нескольких шагах, делая вид, будто читает что-то на доске объявлений. – С чего это Фаули так завелся?

– Ума не приложу, – Гис пожимает плечами. – Таким я его

еще никогда не видел, это точно.

– С какой стати он так цепляется за версию о преступлении на почве ненависти, блин, хотя понимает, что мы ни хрена не можем найти в ее пользу?

Эв хмурится, она также никогда не видела, чтобы Фаули так себя вел, особенно в отношении Сомер. Он всегда изо всех сил старался ее подбодрить и относился с уважением к ее суждениям. Настолько, что одно время все думали...

– Может, у него опять неприятности с женой? – говорит Куинн, теперь уже громче. – Не далее как несколько месяцев назад все мы были уверены, что она от него уйдет. Вы что думаете? Опять дерьмово по этой части?

Гис предостерегающе смотрит на него, выразительно указывая взглядом на Асанти, который все слышит. Но тот, похоже, по-прежнему полностью поглощен предполагаемыми изменениями в пенсионной схеме для сотрудников полиции.

Эв качает головой.

– Я так не думаю – только не сейчас. В прошлые выходные я встретила их на фермерском рынке в Саммертауне. Его жена стояла ко мне спиной, но выглядели они любящей парой.

– Тогда в чем же дело, может быть, Харрисон устроил ему нагоняй?

– А разве он не устраивает ему нагоняй по любому поводу? – задумчиво произносит Гис. – Но что бы там ни было, лично я считаю, что нам нужно просто не высовываться, чтобы не выводить Фаули из себя. Вы как полагаете? – Он берет

пластиковый стаканчик и нажимает кнопку, заказывая капучино. – В твоём случае, Куинн, это означает, что ты должен разыскать все эти арендованные машины. И быстро.

Куинн бросает на него сардонический взгляд, но Гис притворяется, будто ничего не замечает, и все трое возвращаются на свои места.

Через какое-то время из женского туалета появляется Сомер. Волосы у нее причесаны, лицо спокойное, однако глаза слегка красные, что может заметить только очень наблюдательный человек. Когда она проходит мимо Асанти, тот отрывается от доски объявлений.

– Все в порядке?

Он произносит это вежливым тоном, однако есть в нем что-то такое, отчего Сомер всегда становится тревожно.

– Разумеется, – отвечает она, убыстряя шаг. – А что может случиться?

* * *

Адам Фаули

3 апреля 2018 года

9:15

Можете не говорить: сам знаю, что вел себя не слишком хорошо. Я просто был не в себе, только и всего. Годами – годами! – я прилагал все усилия, чтобы сдерживаться, и вот

сейчас, неожиданно-негаданно...

У меня звонит телефон. Это Чаллоу. Он не потрудился подождать, когда я ему перезвоню. И также он не утруждает себя любезностями.

– Получил мое сообщение?

– Ты абсолютно уверен – это не может быть что-нибудь еще?

– В отличие от человеческих существ химия не лжет. Это одна из причин, почему я люблю свою работу.

– Твою мать!

– Да, – тяжело соглашается Чаллоу. – Подозреваю, это самое подходящее выражение. При данных обстоятельствах. – Молчание. Затем: – Что намереваешься делать?

– Не знаю.

Я слышу, как он шумно вздыхает.

– Ты должен сказать своим ребятам – нечестно держать их в неведении...

– Знаю. Просто мне нужно время, чтобы тщательно все обдумать.

Я буквально слышу, как Чаллоу пожимает плечами.

– Ну, решать тебе, я свое дело сделал. Однако в любом случае ты должен поговорить с Харрисоном. И я не хочу тебя пугать, но если ты с ним не поговоришь, это сделаю я.

Эверетт и Сомер решили зайти в кафе рядом с колледжем дальнейшего образования, чтобы обставить все по-простому, но даже без форменных мундиров они выделяются, словно бабули в модных кроссовках на толстой подошве. Ученицы покупают кофе и булочки и болтают ни о чем за соседними столиками, однако чувствуется напряжение, видны взгляды, брошенные в сторону женщин-полицейских. Это еще не тревога, но уже волнение, предчувствие чего-то нехорошего.

– Итак, что будем делать? – вполголоса спрашивает Эверетт. – Натягиваем широченные улыбки и подходим без приглашения?

Сомер указывает на девушку, которая только что встала в очередь к стойке, на полу у ее ног большая папка, у нее прическа эльфа и большие карие глаза.

– Предлагаю начать с нее.

– Хорошо, – соглашается Эверетт. – А я подойду с другого конца.

– Ты учишься на художественном, да? – спрашивает Эрика, вставая в очередь за девушкой с папкой.

Та оборачивается и улыбается.

– Вообще-то на моде и дизайне. Но проклятые альбомы ничуть не меньше.

– Мы беседовали кое с кем из твоих однокурсников, но

тебя я что-то не помню.

Девушка делает заказ и снова оборачивается к Сомер.

– Да, я слышала. Вы из полиции, правильно?

Эрика печально машет рукой.

– Ты меня сразу раскрыла.

Но девушка нисколько не смущается.

– В выходные я подцепила какой-то вирус, поэтому в понедельник меня в колледже не было. Меня зовут Джесс, Джесс Бердсли. Вы спрашивали о Фейт?

– Ты ее знаешь?

Девушка корчит гримасу.

– Не то чтобы *знаю*, но, по-моему, на самом деле ее никто не знает.

Сомер покупает бутылку воды и идет следом за девушкой к свободному столику.

– Значит, вы с ней учитесь на одном курсе, да? – спрашивает она, когда они садятся.

Джесс кивает.

– Но Фейт не в моей лиге. Она просто *крутая*. Все остальные с ней даже рядом не стоят.

– А это ни у кого не вызывает зависть? Зазнаек ведь никто не любит, разве не так?

Девушка смеется.

– Фейт не такая. Она никому не отказывает в помощи. Понимаете, дает дельные советы и все такое... Она не задирет нос.

– Парень у нее есть?

Джесс качает головой.

– По крайней мере здесь точно нет. И не то чтобы никто не старался. Но, похоже, Фейт это не интересует. Хотя, если честно, я ее понимаю. – Она оглядывается на мальчишек за соседним столиком, те смеются над какой-то очередной шуткой и тычут друг друга в ребра. – По большей части дети-переростки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.